

ЭММА СКОТТ

СРЕДИ ТЫСЯЧИ СЛОВ

18+

Сомневайся в том, где правда, где ложь,
но не ставь под сомнение мою любовь...

Freedom. Романтическая проза Эммы Скотт

Эмма Скотт

Среди тысячи слов

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Скотт Э.

Среди тысячи слов / Э. Скотт — «Эксмо», 2018 — (Freedom.
Романтическая проза Эммы Скотт)

ISBN 978-5-04-109758-5

УИЛЛОУ Ее душа помнила все. Знала, что такое одиночество в огромном городе. И каково видеть лишь темноту, когда кругом обжигающий свет. Она сбегала от мира на страницы книг. На прослушивании кричала. Это крик был с ней внутри. Каждую минуту. Ей нужна была эта роль, чтобы изгнать своих демонов и обрести спокойствие. А затем – просто исчезнуть, не оставив следа. Невинная надежда. Которая разлетится на миллион чертовых осколков.

АЙЗЕК Он был гладким клинком. Резал взглядом. Он словно пришел из другого мира. До него нельзя было дотронуться. Он играл так, что на глазах у всех выступали слезы. А боль растворялась. Сцена стала для него сродни очищению: столько гнева и сожалений. Он мечтал обрести свой собственный голос и уехать прочь из этого города. Его талант – это все, что у него было. Пока не появилась она.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-109758-5

© Скотт Э., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Благодарности	7
Плейлист	8
Заметки автора	9
Посвящение	10
Акт I	11
Пролог	12
Глава первая	17
Глава вторая	23
Глава третья	30
Глава четвертая	36
Глава пятая	40
Глава шестая	44
Глава седьмая	50
Глава восьмая	57
Глава девятая	61
Глава десятая	66
Глава одиннадцатая	73
Глава двенадцатая	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Эмма Скотт

Среди тысячи слов

Emma Scott

In Harmony

Copyright © 2018 by Emma Scott

Cover design: © Sandra Taufer Grafikdesign

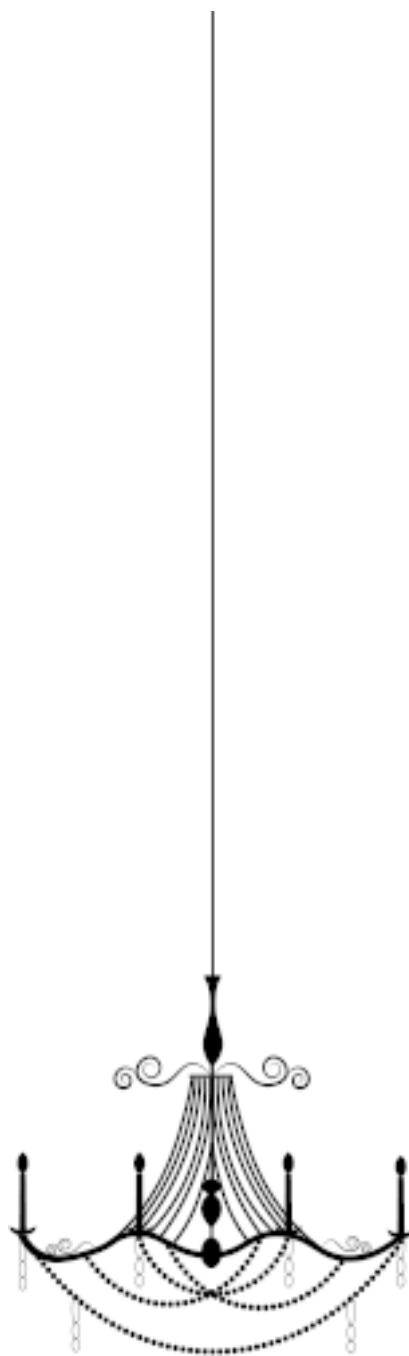
Cover image: © Shutterstock.com (KRIACHKO OLEKSII, HS_PHOTOGRAPHY, Shebeko)

Image Numbers: 790814941, 553671253, 142645735

© Сибуль Е.А., перевод на русский язык, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Благодарности

Я всегда говорю: «О боже, у меня нет времени! Как я справлюсь? У меня просто безумный график!» И было бы все нормально, если бы мой график был безумным только для МЕНЯ. Я должна успевать все в срок, и мое безумие нужно сдерживать, за исключением того маленького факта, что я не могу редактировать, перечитывать на предмет ошибок, форматировать или проверять рецензию на собственную книгу. Я могу написать книгу в срок, есть команда невероятных женщин, благодаря которым она существует в этом мире. Они из кожи вон лезут, чтобы поделиться со мной своим временем, творчеством, отзывами, встречая мою суету на работе улыбкой, поддержкой и бесконечной щедростью. Этот роман стал бы жертвой моего «безумного графика», если бы не следующие замечательные женщины:

Робин Рене Хилл, Сюанн Лакер, Мелисса Панио-Петерсен, Грей Дитто, Джой Крибел-Садовски, Анджела Шокли, Сара Торпи, Кеннеди Райан и Эми Бер Мاستин.

Я благодарю вас, дамы, от всего сердца.

Спасибо моему мужу, который заботился о нашей семье и поддерживал ее, чтобы я могла закончить эту книгу. Он никогда не жаловался из-за того, что я ложилась поздно или что ужинала за своим рабочим столом, а не с детьми. Он водил наших девочек на прогулки, чтобы «у мамы было время на писательство», хотя ему нужно было справляться и со своей работой. И его вера в то, что я могу это сделать, была непоколебима... Лучшего партнера в жизни я и желать не могла. Спасибо, милый. Люблю тебя.

Спасибо читателям и блогерам, всем, кто попадает под определение «невероятных женщин этого сообщества». Я глубоко благодарна каждой из вас. Ваши помощь, поощрения и дружба – топливо, поддерживающее мою жизнь (и, конечно, кофе. Много, много кофе). Эта книга, в каком-то смысле, история о женщинах, поддерживающих друг друга. О лучших друзьях, протягивающих тебе руку со словами: «Я здесь, если нужно». Это сообщество – мое вдохновение. Спасибо вам.

Плейлист

«Violet», Hole
«Best Friend», Sofi Tukker
«Legendary», Welshly Arms
«I Feel Like I'm Drowning», Two Feet
«Til It Happens to You», Lady Gaga
«Imagination», Shawn Mendes
«World Gone Mad», Bastille
«Ophelia», Tori Amos
«&Burn», Billie Eilish
«Feeling Good», Nina Simone

Заметки автора

В Индиане есть город под названием Нью-Хармони. История этой книги происходит не в нем. Хармони в штате Индиана в моей книге – полностью выдуман, как и город Брэкстон. Но Нью-Хармони дал столько вдохновения, был так прекрасен, что остался в моем сердце после посещения, поэтому я не смогла изменить название города или перенести его в другой штат. Жители Нью-Хармони, штат Индиана, пожалуйста, считайте мой Хармони, несмотря на все недостатки, данью уважения вам.

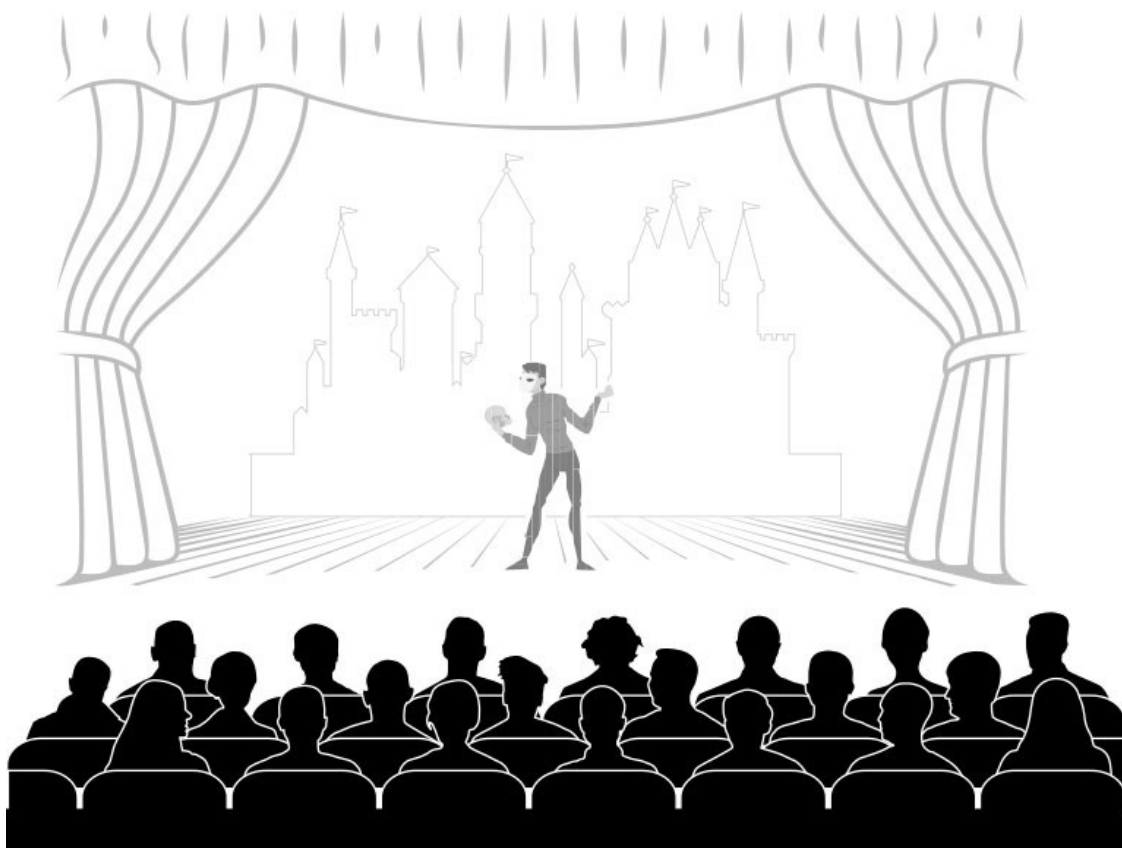
Посвящение

Посвящается всем женщинам, которые когда-либо шептали, кричали, вопили или говорили другу слова «я тоже», и всем женщинам, что еще не произнесли эти слова вслух, но однажды они сделают это и будут услышаны. Эта книга для вас.

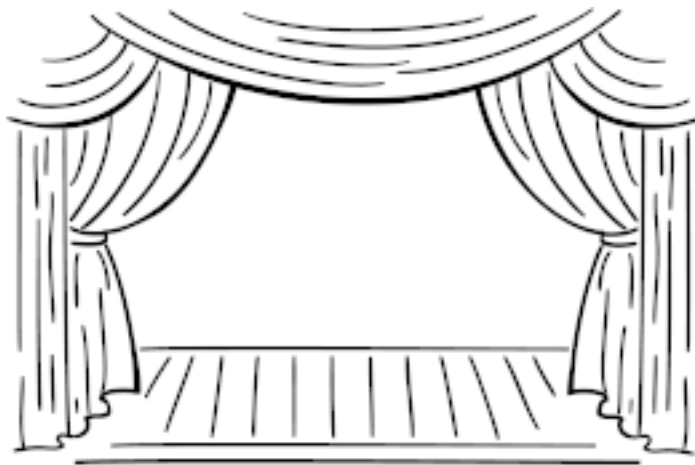
*Посвящается Сюзанн, спасибо за все.
Давай всегда будем самими собой.*

АКТ I

«Слова, слова, слова»
– Гамлет

Пролог

– Расскажи мне историю.

Бабушка улыбнулась сквозь сеточку морщин и убрала прядь волнистых светлых волос с моего лба.

– Еще одну? Трех книг не хватило?

– Не книжную историю. Одну из твоих историй.

– Уже поздно...

Голоса родителей внизу зазвучали громче, они спорили из-за папиной работы. Снова. Бабушка опять села на край кровати. Стеганое одеяло, розовое с красными цветами, она сшила сама. Мои любимые цвета.

– Как я могу отказать? – она коснулась пальцем ямочки на моей левой щеке. – Только короткую историю.

Я засияла и удобнее улеглась на подушке.

– Однажды жила-была Маленький Огонек. Она родилась на фитиле длинной белой свечи и жила среди тысяч других огней. Ее мир был полон золота, тепла и всего светлого. Огонек танцевала, мерцала, тянулась вверх. И она была счастлива...

– Пока что?

В историях бабушки всегда было «пока». Проблема, все портящая, но показывающая персонажам то, что им действительно нужно или чего они больше всего хотят.

– Пока, – сказала бабушка, – сильный ветер не подул и не погасил остальные свечи. Одна в темноте Маленький Огонек прижалась к фитилю и выжила.

– Кажется, мне не нравится эта история, – сказала я, натягивая одеяло до самого подбородка, – мне не нравится быть одной в темноте.

– Маленький Огонек тоже была напугана. Но она смогла снова стать высокой и засиять.

– Одна? Она вечность находилась в темноте одна?

– Не вечность. Но достаточно долго.

– Достаточно долго для чего?

– Чтобы понять, что, может, она и была одним из множества огоньков, но в ней жило свое собственное пламя.

– Не понимаю. Она же была счастливее с другими огоньками.

– Да. Но среди них она не видела саму себя и не знала, как ярко горела. Ей пришлось попасть во тьму, чтобы увидеть свое собственное сияние.

Я нахмурилась. Искра понимания коснулась разума восьмилетней девочки.

Бабушка положила ладонь на мою щеку. Ее рука была сильной. Она еще не начала увядать под гнетом рака, который заберет ее год спустя.

— Однажды, Уиллоу, ты тоже можешь оказаться в темноте. Надеюсь, что такой день никогда не наступит. И если все же он придет, сначала тебе будет страшно. Но ты увидишь свое собственное яркое свечение. Свою собственную силу. И ты засияешь.

Я просила бабушку рассказать историю Маленького Огонька много раз. Она сказала, что это ирландская народная притча из ее детства. Годы спустя я пыталась найти ее в библиотеке. Я брала книгу за книгой кельтских легенд и преданий, но так и не смогла найти историю Маленького Огонька.

Вместо этого меня нашла тьма.

Через две недели после моего семнадцатилетия.

Фотография на мобильном, которую я вообще не должна была отправлять. Вечеринка в моем доме. Танец с парнем. Что-то, подмешанное в напиток.

Тьма была густой и удушающей, когда он, Ксавьер Уилкинсон, превратил мою собственную кровать в тюрьму. Немилосердный рот прижимался к моему, мешая дышать. Рука на горле. Меня придавливало его весом. Душило. Гасило.

«Одна в темноте Маленький Огонек прижалась к фитилю и выжила».

Я тоже держалась. Утром мой разум помнил только обрывки, в то время как душа помнила все. Я открыла глаза, и даже в ярком обжигающем солнечном свете я была в темноте. Все равно что чувствовать себя одинокой в переполненной людьми комнате. Чужой в новом городе. Навсегда отдельно, отбившейся от всего, кем я была и кем надеялась стать.

Я не видела света. Ни день спустя. Ни неделю. Недели накопились и стали месяцами.

Может, и никогда не увижу.

* * *

— Мы переезжаем, — объявил отец, разделявая мясо с кровью со спинной части говяжьей туши. Пюре в его тарелке порозовело от крови.

— Переезжаем? — спросила я, отталкивая свою тарелку.

— Да, в Индиану, — ответила мама.

Ее напряженный и гневный тон подсказал мне, что ей очень не нравится идея переезда из Нью-Йорка. Мне бы тоже стоило злиться. Нормальная девушка была бы в ярости. Нельзя переезжать в декабре посреди двенадцатого класса старшей школы¹. Нельзя оставлять друзей, которых знаешь двенадцать лет, как и все, что знаешь.

Я не была нормальной.

— Почему туда? — спросила я. Почему не в Индию, или Тимбукту, или на чертову Луну? Мне было совершенно все равно.

Родители обменялись взглядами, прежде чем мама ответила:

— Твоего отца перевели в другой город.

— Мистер Уилкинсон хочет, чтобы я возглавил среднезападные операции Wexx. Они хотят, чтобы я разобрался с некоторыми беспардонными владельцами франшизы. Реорганизовал и обновил. Это очень прибыльное повышение...

¹ Система школьного образования в США подразумевает прохождение двенадцати классов. В старшей школе (high school) учатся с 9 по 12 класс (14–18 лет).

Его слова поблекли, когда имя ударило по мне фантомной болью прямо в грудь. Бурный поток слов – больше, чем я произнесла за месяц, – вырвался из меня ручьем иррациональной ярости.

– О, правда? Мистер Уилкинсон решил, что тебе стоит взять и уехать из города? Просто так? Перед Рождеством?

Мама прикрыла глаза унизанной кольцами рукой.

– Уиллоу...

– И конечно же, ты сказал «да», – продолжила я. – Не задавая вопросов, – я насмешливо отсалютовала ему. – Да, сэр, мистер Уилкинсон, сэр.

– Он мой босс, – ответил папа, его голос стал жестче – первый признак того, что короткий фитиль подожен. – Это благодаря ему у тебя на столе еда, а над головой крыша. Не имеет значения, где эта крыша. – Он взглянул на маму. – Вы должны быть благодарны.

– Благодарны, – фыркнула я.

– С каких пор ты так ненавидишь мистера Уилкинсона? – требовательно спросил отец. – Что он тебе такого сделал?

«Не он, – подумала я. – Его сын».

– А его не беспокоит тот факт, что я меняю школу посреди учебного года? – заметила я.

– Это имеет значение? – спросила мама, помахав ложкой, словно надеялась поймать ответ в воздухе. – С августа ты совершенно изменилась. Ты больше не общаешься с друзьями. Ты перестала краситься, тебе все равно, как выглядят твои волосы или одежда...

Я закатила глаза, но внутри вздрогнула. Чтобы накраситься и приодеться, нужно посмотреться в зеркало, чего я почти не делала. А мои светлые волосы, слишком длинные, почти доходили до талии и были хорошим щитом, помогающим избежать зрительного контакта. Как, например, сейчас.

Я повернула голову, и волосы упали стеной между мной и мамой.

Она громко и тяжело вздохнула в своей обычной драматичной манере.

– Что с тобой происходит? Я так устала задавать этот вопрос и не получать ответа. Ты была отличницей. Ты строила планы на колледж Лиги плюща², а теперь мне кажется, что это заботит тебя меньше всего.

Я проигнорировала ее.

– Куда именно в Индиану? – спросила я отца.

– Индианаполис, – ответил папа. – Я буду работать в большом городе, но там, всего в нескольких километрах к югу, находится маленький городок под названием Хармони. Твоя мама права. Ты изменилась, и мы можем только подозревать, что ты связалась с плохой компанией. Вывезти тебя из Манхэттена в маленький городок кажется лучшим решением, вот почему я сказал «да», услышав о такой возможности.

«Бред».

Мы переезжали, потому что мистер Уилкинсон сказал папе переехать. Ко мне это не имело никакого отношения. Мои родители любили меня, как любят произведение искусства: предмет, который держат дома и восхищаются им в надежде, что когда-нибудь он станет ценным. С той самой вечеринки – вечеринки, которую я устроила без их ведома, – я стала для них бельмом на глазу.

Правда была в том, что без этой работы отец пошел бы ко дну. Он проработал в фирме Wexx Oil&Gas тридцать лет. Он укоренился в ней слишком крепко, чтобы начать заново в другой компании. В доме отец был строг и требователен, вымещал на нас недостаток контроля

² Лига плюща (Ivy League) – ассоциация восьми старейших университетов Америки: Гарварда (Harvard), Принстона (Princeton), Йеля (Yale), Брауна (Brown), Колумбии (Columbia), Корнелла (Cornell), Дартмута (Dartmouth) и Пенсильвании (Pennsylvania).

над другими на работе. Потому что в Wexh, когда Росс Уилкинсон говорил: «Прыгай», отец прыгал. В этот раз до самой Индианы.

– А ты, Уиллоу Энн Холлоуэй, – сказал папа, размахивая вилкой, словно король-тиран скипетром, – найдешь внешкольные занятия. И это не обсуждается. Твои заявления в колледж просто позор.

Я не ответила. Он был прав, но мне было просто плевать.

– Эти перемены пойдут нам на пользу, – объявил он. – Вместо этого таунхауса у нас будет огромный дом с тысячами квадратных метров земли. Большая территория. Больше, чем вы можете себе представить. И свежий загородный воздух вместо городского смога...

Он продолжал говорить, но я перестала его слушать. Слова перестали иметь для меня значение. Мне приходилось держать самые важные слова за зубами. Время рассказывать, что сделал со мной Ксавьер Уилкинсон, давно прошло. Как только я постирала простыни и сожгла одежду, стало слишком поздно. Если я сейчас расскажу правду, она станет жуткой бурей, которая сотрет в порошок карьеру отца и разрушит образ жизни мамы.

Если они вообще мне поверят.

– Уилкинсоны тоже переезжают в Индиану? – спросила я.

– Конечно, нет, – ответил папа. – Главный офис все еще здесь. Я буду руководить их среднезападным филиалом. А так как Ксавьер все еще в Амхерсте...

– Можно мне выйти?

Не дожидаясь ответа, я взяла тарелку с едой, к которой едва притронулась, и отнесла ее на кухню. Кинула все в раковину и поспешила в гостиную. Она была украшена к Рождеству: торжественно возвышалась сверкающая, элегантно декорированная искусственная елка. Когда бабушка была жива, она настаивала на том, чтобы у нас в комнате стояла живая елка, наполняющая ее запахом хвои и теплом. Здесь висели гирлянды из попкорна и глиняные украшения, которые я делала в начальной школе. Но теперь бабушки не было, и наш таунхаус казался похожим не на дом, а на магазин, украшенный к праздникам.

Я побежала наверх, а имя Ксавьера Уилкинсона преследовало меня.

Я пыталась не позволять себе думать о нем. Для него у меня не было даже имени. Он его не заслужил. Имена для людей.

Крест. Вот кем он был. Крестом отмечают какое-то место. Если бы я рисовала себя, он все еще был бы на мне: рост метр шестьдесят сантиметров, длинные, густые, волнистые светлые волосы, голубые глаза, ямочка на левой щеке, которую любила бабушка, и большой черный «Х», которым я была перечеркнута. «Х» отмечает место, на мне и матрасе, как на пиратской карте. То, что разорили. Разграбили. Изна...

(Мы не думаем об этом слове.)

Я закрыла дверь и бросила покрывало с кровати на пол. Я не спала на кровати с ночи вечеринки. На ней тоже был черный «Х». Я и на полу немного спала. Жуткие ночные кошмары регулярно мучили меня, и я просыпалась парализованной. Не могла дышать. Призрачное давление на мой рот, руки на моем горле и тело, вжимающее меня в матрас, давящее меня, пока мне не начинало казаться, что меня погребают заживо.

Завернувшись в обычный серый плед на полу из твердой древесины – Крест испортил красивый бабушкин плед, – я лежала на боку, уставившись на стопки книг, наваленные на полу, стоящие на полках, на подоконнике. Когда мне было необходимо сбежать, я бежала на их страницы. Там я могла побыть какое-то время кем-то другим. Прожить другую жизнь.

«Возможно, этот переезд не так плох, – подумала я, проводя пальцем по корешкам. – Новая история».

Рукав задрался, когда я потянулась, чтобы коснуться книг. Я закатала его еще больше и посмотрела на маленькие черные «Х», волнистой линией тянущиеся от изгиба локтя до кисти.

Словно насекомые. Я потянулась за черным перманентным маркером, который прятала под подушкой, и добавила еще несколько «Х».

Крестом отмечается место.

Надежда, что Хармони даст мне что-то лучшее, умерла. Пока я главная героиня, моя ужасная история останется неизменной.

Пока.

Глава первая

Айзек

Я проснулся, дрожа, завернутый в слишком тонкое одеяло. Ледяной свет падал на кровать, не грея.

Чертов трейлер. Живешь словно в треснутой скорлупе.

Я сбросил покрывало и прошелся в жилую часть трейлера. Батя вырубился на диване, а не в своей комнате позади кухни. Пятая бутылка виски Old Crow, пустая, стояла среди банок из-под пива на расшатанном запачканном кофейном столике. Дым все еще вился над пепельницей, переполненной окурками.

Однажды я получу тепло, которого так желаю, в виде пламени от одной из батиных сигарет.

Его храп наполнял трейлер, я подошел к обогревателю. Нам нужно быть осторожными с термостатом – я следил, чтобы он был установлен на восемнадцать градусов, – но в трейлере была дерьмовая изоляция и никакого фундамента. Я помахал рукой перед вентиляционным отверстием. Обогреватель был включен и работал, впустую тратя наши деньги и не помогая. Под нами свистел холодный январский ветер. Я чувствовал его через пол.

За лобовым стеклом под покровом белизны раскинулась свалка. Наша заправка под брендом Wexx сегодня была закрыта. Не то чтобы у нас бывали клиенты. На улице было тихо и спокойно. Метры ржавых машин стояли белыми холмами, чистыми и нетронутыми над сплетением металла. Кладбище.

Весь Хармони казался мне кладбищем, местом, которое тебя похоронило. Но туристам нравилось. Летом они приезжали отовсюду, чтобы покинуть свое время и попасть в США примерно 1950-х годов. Центр Хармони состоял из шести квадратных кварталов с архитектурой викторианской эпохи, цветными фронтонами, одним магазином мороженого и бургеров, музыкальным автоматом и постерами Элвиса и Джерри Ли Льюиса³ на стенах. Один светофор висел над главной улицей, и у нас был магазинчик мелких товаров по пять и десять центов, в котором продавались сувениры гражданской войны. В зеленых холмистых полях между Хармони и сле-

³ Джерри Ли Льюис (англ. Jerry Lee Lewis) – американский певец, пианист, композитор, один из основоположников и ведущих исполнителей рок-н-ролла.

дующим настоящим оплотом цивилизации Брэкстоном была какая-то большая битва. Туристы приезжали сюда ради истории и молочных коктейлей, а затем уезжали. Спасались.

Я глянул на батю. Пятьдесят три года, а выезжал он из Хармони, наверное, дважды. Однажды – в больницу в Индианаполис, когда я родился, и в ту же больницу, когда мама умерла одиннадцать лет назад.

Он был похож на машины, которые мы сдавали в лом, и заправку, на которой он иногда работал, – постарел раньше срока, разорился и пах своим любимым бензином. Он не собирался убраться из Хармони, но я, черт побери, намеревался это сделать.

Когда-нибудь.

Я положил ладонь на холодное оконное стекло. Ледяные щупальца ветра пробирались через трещины по подоконнику. Я все лето копил деньги на окна получше – подрабатывая тут и там для Мартина Форда в Общественном театре Хармони, если не работал на заправке. Когда октябрь проскочил мимо, батя пообещал добраться до магазина технических товаров за новыми окнами. Но я отдал ему деньги, и он потратил их на выпивку.

Вот что приносит доверие.

Батя пошевелился и, моргнув, проснулся.

– Айзек?

– Да, это я. Хочешь завтракать? – я направился на маленькую кухню, дуя на свои замерзшие пальцы.

– Сосиску, – сказал он и зажег полуистлевшую сигарету Winston.

– Сосисок нет, – сказал я, насыпая две миски хлопьев. – Я зайду в магазин по пути домой из школы. Перед сегодняшним вечерним спектаклем.

– Черт возьми, зайдешь.

Он, кряхтя, поднялся с дивана и побрел к стулу и складному картонному столу, который служил нам обеденным. Я сел напротив него и пытался игнорировать, как он, хлюпая, ел хлопья между затяжками сигаретой.

Батя склонился над миской. Вес самой его жизни тянул его вниз. На нем висел груз долгих лет борьбы и бедности, суровых зим, разбитого сердца и алкоголя. Небритые щеки обвисли, мешки под водянистыми глазами. Немытые волосы падали на лоб серой соломой. Я опустил глаза, решив закончить завтрак за десять ложек и выбраться отсюда ко всем чертям.

– А что сегодня вечером? Спектакль? – спросил батя.

– Ага.

– Какой в этот раз?

– «Царь Эдип», – ответил я, слово он не шел уже две недели и мы не репетировали его четыре недели до этого.

Он проворчал:

– Греческая трагедия. Я не совсем тупой.

– Знаю, – ответил я. Волосы на загривке поднялись дыбом. Он еще ничего не пил, так что злоба еще спала. Она приходила обычно только по ночам – это его Джекил⁴, – и я изо всех сил старался держаться подальше, пока она не пройдет.

– И какую роль исполняешь ты?

Я вздохнул.

– Я Эдип, батя.

Он фыркнул и засунул ложку хлопьев в рот. Молоко потекло по щетине на подбородке.

⁴ В данном случае Айзек сравнивает своего отца с героем готического романа шотландского писателя Роберта Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда».

– Этот Мартин Форд и впрямь заинтересовался тобой, – он тыкнул в меня ложкой. – Берегись. Он превратит тебя в гомика, если продолжишь играть эту фигню. Если уже не превратил.

Я сжал зубы и кулаки, но ничего не сказал. Он не впервые намекал, что Мартин – режиссер Общественного театра Хармони – любил меня не только из-за моего таланта. Правда была в том, что Мартин и его жена Брэнда были мне лучшими родителями, чем батя мог себе представить.

Но ему я об этом не сказал. С орущими ослами не говорят в надежде на состоятельный разговор.

– Спектакль заканчивается завтра вечером, – я рискнул поднять на него взгляд. Я не был так глуп, чтобы просить его прийти, но часть меня, которая все еще хотела верить, что он настоящий отец, никак, черт возьми, не сдавалась. – Последний спектакль.

– Да? – ответил батя. – Но сколько еще после этого? Ты занимался этим дерьмом многие годы. Знаешь, что оно делает тебя мягким. Я не оставлю свой бизнес гомику.

Его слова отскочили от меня. В моем телефоне мелькали десятки женских имен, а мысль о том, что он оставит мне «Автосвалку Пирса» или заправку франшизы Wexx, была просто смехотворной. Здесь больше не было бизнеса, если не считать редких заблудших путешественников, которые не знали, что можно проехать на восемь километров дальше в сверкающие большие заведения Брэкстона. Мы жили на пенсию отца по недееспособности и мою зарплату из театра. Или, скорее, он жил, а я существовал. Я не жил, пока не ступал на сцену.

Я мог вынести его слова. А вот его кулаков мне нужно было остерегаться.

Не раз после его тирады мы оба оставались в крови, и я мчался на всей скорости за рулем своего старого голубого пикапа Dodge по извивающимся дорогам прочь из Хармони, намереваясь выбраться из Индианы раз и навсегда. Потом представлял, что батя застрял здесь один, ест холодные хлопья на завтрак, обед и ужин, пока суровая зима не подарит ему пневмонию. Или он может нырнуть в ведро жареной курицы и наесться до сердечного приступа. И лежать мертвым и гнить на нашем дерьмовом диване, а никто неделями не станет заходить, чтобы проверить, а то и месяцами.

И каждый раз я разворачивал свой чертов пикап.

Вот что мы делаем ради семьи. Пусть даже твоя единственная семья – сволочь пьяница, которому на тебя плевать.

– Сделай мне еще, хорошо? – сказал батя, когда я встал, чтобы убрать миску в раковину.

Я насыпал ему еще одну порцию хлопьев и пошел одеваться в школу.

В своей маленькой комнате – кровать, комод, шкаф размером с гроб – я надел лучшую пару джинсов, ботинки, фланелевую рубашку поверх майки и черную кожаную куртку. Из-под стопки сценариев я вытащил шерстяную шапку и перчатки без пальцев, которые Брэнда Форд связала для меня, и засунул пачку сигарет из секретного запаса, о котором батя не знал, иначе давно бы уже разграбил. Я засунул их во внутренний карман куртки.

Батя сонно смотрел на настенный календарь, который нам оставил продавец после неудачной попытки продать страховку недвижимости.

– Сегодня восьмое?

– Ага, – ответил я, закидывая рюкзак на плечи.

Он повернулся ко мне, блеск сожаления и боли плескался в красных глубинах его водянистых глаз.

– Уже девятнадцать?

– Ага, – ответил я.

– Айзек?

Я замер, уже положив руку на дверь. Секунды растянулись.

«С днем рождения, сын».

– Не забудь купить сосиски.
Я закрыл глаза.
– Не забуду.
И ушел.

* * *

Мой синий Dodge 71, припаркованный рядом с трейлером, замерз. Мне удалось завести его, и я оставил его греться, пока сам счищал лед с лобового стекла. Часы на панели управления показывали, что я опаздываю в школу. С моих губ сорвалось облако бранных слов. Терпеть не могу заходить в класс, уже заполненный учениками.

Я ехал по обледенелым дорогам так быстро, как только мог, прочь от свалки на краю города, по главной улице и через весь Хармони, в старшую школу Джорджа Мэйсона. Я заехал на парковку, потом быстро прошел в здание, согревая пальцы дыханием. Тепло внутри немного смягчило мое раздражение. Когда я ко всем чертям выберусь отсюда, я уеду туда, где никогда не идет снег. Голливуд бы подошел, но я хотел бы больше выступать на сцене, чем сниматься в кино. Или я добьюсь успеха в Нью-Йорке, а там снег может идти сколько хочет. У меня все время будет работать обогреватель, и мне не придется даже думать о цене.

Я прошел по пустому коридору на первый урок английского мистера Полсона. К счастью, Полсон был немного рассеянным – он все еще возился на своем рабочем месте, и я прошмыгнул мимо него, глядя вперед и игнорируя одноклассников. Я собирался добраться до парты в третьем ряду, где всегда сидел.

Какая-то девушка заняла мое место.

Умопомрачительно красивая девушка в дорогом пальто с фонтаном светлых волнистых волос, рассыпанных по спине. И сидела она на моем чертовом месте.

Я встал над ней, глядя сверху вниз. Обычно этого хватало, чтобы заставить кого-то убраться ко всем чертям с моего пути. Но эта девушка...

Она взглянула на меня своими глазами, бледно-голубыми, как топазы, и на ее лице заиграла вызывающая ухмылка, не соответствующая тяжелой печали в глазах. Ее взгляд метнулся к пустой парте рядом, она вскинула бровь.

– Все хорошо, мистер Пирс? – спросил мистер Полсон, стоя у доски.

Я продолжал смотреть на девушку. Она отвечала тем же.

Я фыркнул и уселся на пустой стул слева от нее, выставив ноги в проход. Дуг Кили, капитан футбольной команды, в двух партах от меня, что-то прошипел сквозь зубы, чтобы привлечь внимание Джастина Бейкера. Джастин, бейсболист, огляделся. Дуг кивнул подбородком на новенькую, приподняв брови, и проговорил одними губами «секси».

Джастин произнес в ответ:

– Горячая.

– Ладно, класс, – мистер Полсон стоял у доски. С начала урока, с восьми, прошло всего несколько минут, а он уже успел испачкать мелом клетчатые штаны. – Уверен, вы все хорошо отдохнули на каникулах. У нас, в Джордже Мэйсоне, новая ученица. Пожалуйста, горячо поприветствуйте ее от имени «Бунтарей Мэйсона» – Уиллоу Холлоуэй. Она приехала к нам из самого Нью-Йорка.

«Нью-Йорк».

Класс зашумел, и все повернулись, чтобы взглянуть на Уиллоу. Несколько рук поднялись в вежливом приветствии. Тут и там послышались невнятные «привет». Только Энджи МакКензи – редактор ежегодного школьного альбома и королева отряда гиков – одарила ее искренней улыбкой, на которую Уиллоу не ответила.

Она выдавила хрипкое «привет», от которого по спине у меня побежали мурашки. Уиллоу Холлоуэй была похожа на свою тезку – красивая, хрупкая и плачущая⁵. Не снаружи, а внутри. Мартин Форд научил меня составлять представление о людях, основываясь на их языке тела, а не словах и действиях. Эта девушка показывала людям далеко не всю себя. Наши взгляды встретились, ее выдали глаза.

«Конечно, она грустна, – подумал я. – Ей пришлось променять Нью-Йорк на Хармони, чертов штат Индиана».

– Об-жи-га-ю-ще, – прошептал Джастину Бейкеру Дуг, растягивая слово по слогам, и Джастин широко улыбнулся.

«Чертовы качки».

Но они не ошиблись. Весь урок мои глаза устремлялись к Уиллоу Холлоуэй, хотя я ясно осознавал, какими противоположностями мы были. Она не была идеально ухоженной – непокорные длинные и густые волосы были немного взлохмачены. Но ее ботинки и джинсы явно были недешевыми. Овальное лицо было гладким и фарфоровым, словно она ни дня в жизни не провела под суровым солнцем или на кусачем ветру. И этим утром она была, казалось, на добрых два года младше меня.

«Слишком юная», – подумал я, хотя мой взгляд запнулся на ее груди под кашемировым свитером и застрял там. А мои руки чесались коснуться этой массы волос, говорящих «я только что выбралась из кровати».

«И кто теперь тупой качок?»

Я заерзал на сиденье, напоминая себе, что у меня имеется достаточное количество девушек подходящего возраста. Нужно всего лишь позвонить или написать сообщение. И все же оставшуюся часть урока мое чертово тело остро ощущало присутствие Уиллоу рядом. Когда прозвенел звонок, я остался сидеть на стуле и наблюдал, как она встает. Девушка с апатичной уверенностью собрала книги, словно проучилась в Джордже Мэйсоне несколько лет, а не пару минут.

Она повернулась ко мне, сухо улыбнувшись.

– Завтра можешь сесть на свое место.

Я молча уверенно встретился с ней взглядом.

Она пожала плечами и пошла прочь, перекидывая невероятную гриву мягких волос через плечо. Они колыхнулись в одну сторону, потом в другую, занавесом опустившись почти до талии.

«Забудь, – сказал я сам себе. – Слишком юна, слишком богата, слишком... все то, чем ты не являешься».

Я был беден как церковная мышь большую часть моей жизни. Я почти научился мириться с этим. В другие времена, как этим утром, бедность била мне прямо по зубам.

⁵ Уиллоу (англ. Willow) – ива.

Глава вторая Уиллоу

– Пожалуйста, горячо поприветствуйте от имени «Бунтарей Мэйсона» Уиллоу Холлоуэй. Она приехала к нам из самого Нью-Йорка.

Я просто улыбнулась своим новым одноклассникам. Качкам в спортивных куртках, за дружелюбными улыбками которых скрывались сомнительные намерения. Девушке с темными кучерявыми волосами и веснушкам на бледной коже, которая, несомненно, собиралась накинуться на меня, как только прозвенит звонок. Улыбнулась бунтарю-плохишу, чье место заняла...

Всех было легко игнорировать, кроме него.

Черт возьми, я еще никогда в жизни не видела настолько красивого парня. Ростом с метр восемьдесят, широкие плечи, упругие мышцы, лицо кинозвезды. Невероятно идеальные черты. Высокие скулы, точеный подбородок, покрытый щетиной, густые брови, полные губы. Серо-зеленые глаза, словно моря Нантакета⁶ зимой.

Все в нем было бурей, холодом и опасностью. От его черной кожаной куртки пахло сигаретным дымом, и я бы не удивилась, если бы в ботинке он прятал складной нож. Даже его взгляд, брошенный на меня, казался опасным. Мое тело отреагировало тотчас, словно его изучающий взгляд проник под кожу. Он смотрел на меня, словно видел.

«Ты слишком бурно реагируешь, девочка. Реально перебор».

Я уткнулась взглядом в окно: блеклый пейзаж серых небес и грязного снега. Все это было неправильным. Школа должна начинаться в конце лета, когда тепло еще не окончательно уступило место прохладным осенним ветрам. Это не должна быть середина зимы, когда снег покрывает землю, а до выпуска осталось всего несколько месяцев.

Это было бы ужасно, если бы я все еще могла беспокоиться о том, заведу друзей или нет. Я попала в ловушку своей собственной вечной зимы. Осталась запечатанной в кубе апатичного

⁶ Нантакет – остров в Атлантическом океане, входит в состав штата Массачусетс.

льда, подобно одной из тех мумий, что показывают по Discovery. Они казались такими живыми снаружи, но внутри... ничего.

Мне раньше нравилась школа. Я с нетерпением ждала уроков. Мои друзья могли быть занудами или вести себя чересчур драматично, пафосно, но они были моими друзьями. Работы было либо слишком много, либо она была скучной до онемения мозга, но я гордилась своими отметками. В те несколько месяцев после вечеринки я с ненавистью смотрела, как мой средний балл падал все ниже и ниже, унося с собой мои шансы на колледж. Мне было неприятно, что я заставляла родителей беспокоиться. Пусть это волнение и было отстраненным.

Я оглядела класс в безопасности своего ледяного гроба. Я хотела быть дружелюбной. Но дружелюбие приводит к друзьям. Друзья приводят к телефонным звонкам и сообщением, ночным разговорам под одеялом. Теплые, опасные условия, из-за которых тают ледяные барьеры и ужасные секреты могут вырваться потоком нескончаемых слез.

Забудь. Эти ребята могут любить меня, или ненавидеть, или игнорировать – что мне больше всего подходило, – но я не почувствую разницу. Даже рядом этим Джеймсом Дином⁷. Завтра он сможет сесть на свой чертов стул. Мне он не нужен, как и его зеленые глаза цвета бури, пронзающие мою кожу.

* * *

Я была права насчет темноволосой девушки. Я избегала ее после урока английского, но она поймала меня, когда я выходила с урока экономики позже этим утром. Она подошла, уверенная. Ботинки, легинсы и мешковатая черная толстовка с надписью «*Мой разум говорит «спортзал», а тело – ТАКО*⁸».

– Привет. Энджи МакКензи, редактор ежегодного альбома, – сказала она. Я почти ждала, что она передаст мне визитку или покажет удостоверение, как агенты ФБР делают по телевизору. – Ты из Нью-Йорка? Что привело тебя сюда?

– Работа папы, – ответила я.

– Вау, неудачное время, да? Середина последнего класса?

Я пожала плечами.

– Переживу.

Она застенчиво улыбнулась.

– Ты только посмотри на себя, с твоим-то ангельским личиком и волосами диснеевской принцессы... просто маска плохой девочки?

У меня не получилось подавить улыбку несмотря на все старания. Энджи была одной из эксцентричных девчонок, которые сразу же нравятся, черт ее побери. Моя лучшая подруга Микаэла (бывшая лучшая подруга, вернее) была такой же.

Я взяла улыбку под контроль.

– Ага, такая я, – ответила я, – Волосы – просто прикрытие.

– Коммерческое прикрытие Pantene, – сказала Энджи. – Я так завидую. Нэш, мой парень, с которым я встречаюсь уже вечность, продолжает доставать меня, чтобы я отрастила волосы, но они не будут смотреться так круто, как твои. – Она запустила руки в гриву темных кудрей. – Можете сказать «вьющиеся от влажности волосы», детишки? Знала, что да!

Я смеюсь.

– Ты странная. То есть в хорошем смысле, – добавила я. Может, я и находилась в добровольном криогенном стазисе, но в действительности мне было не все равно, задену я ее чувства или нет.

⁷ Джеймс Дин (1931–1955) – американский актер театра и кино, идол молодежной субкультуры 50–60-х годов XX века.

⁸ Тако – традиционное блюдо мексиканской кухни. Кукурузная или пшеничная тортилья с разнообразной начинкой.

Энджи рассмеялась вместе со мной, отчего ее розовые сережки-колечки запрыгали.
– Подруга, быть странной – миссия всей моей жизни.

Мы подошли к моему шкафчику в конце коридора второго этажа. Стеклопакетные двери вели на маленькую лестницу с металлическими перилами снаружи у кирпичной стены. Там стоял красивый парень с урока английского в вязаной шапке и перчатках без пальцев. Мне казалось, что ни то, ни другое не может его согреть. Он облокотился о перила и закурил. Пар от его дыхания казался гуще из-за дыма, его ловил ветер и уносил прочь.

– Кто это? – спросила я.

– Айзек Пирс, – ответила Энджи. – Он секси, да? Но забудь. Он встречается только с девушками постарше. И под «встречается» я подразумеваю эпический секс без эмоций. Мне так кажется.

Фантомная вспышка жара пронзила меня, словно чесотка, которую чувствует человек на месте удаленной конечности. Я оперлась на шкаф, поправила сумку, затем волосы, потом снова сумку.

– Да? Ему нравятся женщины постарше?

Энджи кивнула.

– Хотя трудно представить, как он звонит кому-то и приглашает на свидание. По телефону. Словами.

– Что ты имеешь в виду?

– Он не разговаривает, – ответила она.

Я моргнула.

– Он немой?

Она закатила глаза.

– Я имею в виду, что он может говорить. Просто делает это редко. Если только не на сцене играет...

Ее слова затихли, и я посмотрела на Айзека Пирса, прислонившегося к стене. Он стойко не трясся от холода, курил у всех на виду, не беспокоясь, что его может поймать учитель.

– Он актер? Он, кажется... – я замолкла, ведь всех этих слов было недостаточно. *Горячий. Плохой парень. Кобель. Жует девчонок и выплевывает. Новая девушка каждую ночь...* – Крутым, – закончила я.

– Он должен таким быть. Отец его избивает, сильно.

Мой взгляд вернулся к Айзеку, я пыталась найти следы издевательств, оставленные на нем, или понять, не спрятаны ли худшие шрамы, подобные моим, внутри.

– Отец избивает?

– Так говорят. Но никто уже давно не видел его отца в городе, так что, по недавним слухам, Айзек убил его и зарыл труп на свалке.

Я нахмурилась, глядя на нее.

– Что? Да ладно...

Энджи пожала плечами и сморщила покрытый веснушками носик.

– Это глупые слухи, но я бы не стала винить его. Они живут на самом краю города, одни, в никудышном трейлере, окруженном автомобильным кладбищем, – она поежилась.

Теперь я стала высматривать признаки бедности Айзека и сразу же обнаружила их в побитых ботинках и линялых джинсах. Бедный, но гордый. Ничто в нем не просило о жалости.

– Ладно, но он не убивал отца, – заметила я.

Энджи взмахнула руками.

– В конце концов, Чарльз Пирс появится в городе. Слухи исчезнут на пару недель, а потом их пустят снова. Так происходит с тех пор, как мама Айзека умерла лет десять назад. Он, бывало, приходил в школу весь в синяках. Сейчас уже не так. То есть взгляни на его тело. Он достаточно силен, чтобы дать отпор. Почему бы и нет?

На это у меня не было ответа. Я не хотела думать о том, как ужасно, когда тебя не только бьет отец, но и тебе еще приходится давать отпор. Защищаться.

– На сцене Айзек совсем другой, – сказала Энджи. – Дикое, сексуальное животное. Он играет все эмоциональные роли – кричит и плачет на сцене. Несколько лет назад Общественный театр ставил «Ангелов в Америке»⁹, и он там целовался с парнем. Можно было подумать, что это смертный приговор, но нет. Он неприкасаемый.

«Неприкасаемый».

Это слово пело во мне подобно колыбельной. Все безопасное содержалось в этих нескольких слогах. Все, чем я хотела быть и не могла.

«Как и Айзек, – подумала я. – Он не неприкасаемый для своего отца».

– Тебе стоит прийти сегодня вечером или завтра посмотреть пьесу, – сказала Энджи. – Посмотришь, как играет Айзек.

– Он хорош?

Она фыркнула.

– Хорош? Он абсолютно меняется. Сама я не большая поклонница пьес, но смотреть на Айзека Пирса на сцене... – она бросила на меня хитрый взгляд. – Захвати сменную пару трусов, вот что я тебе скажу.

– Может, так и сделаю, – сказала я. – Схожу то есть.

– Давай пойдем сегодня вечером, – живо предложила она. – В общественном театре ставят «Царя Эдипа». Знаю, знаю, греческие трагедии скучные, да? Но поверь мне, когда главную роль играет Айзек... – она слегка поежилась. – Я уже дважды ее видела. Спектакль закрывается завтра, но я могу сходить еще раз. Ради тебя, – она пихнула меня. – Разве я не лучший рекламный фургон?

– Не знаю, ты у меня первая.

Энджи вытащила шариковую ручку из рюкзака, схватила меня за руку и написала телефон на ладони. Я дернулась: ее ручка оказалась в сантиметрах от спрятанных чернильных «Х» на моем запястье.

– Сегодня вечером в восемь, – сказала она. – Напиши мне, когда получишь согласие предков. Я буду ждать тебя рядом с театром.

Я моргнула, осознав социальные обязанности, внезапно наложенные на меня. Мои планы на вечер пятницы включали в себя чтение, чай или просмотр-марафон «Черного Зеркала» на Нетфликс. Тихий вечер в ледяном дворце.

Я услышала, как мои губы произнесли:

– Ага, ладно. Я напишу тебе.

– Отлично, – засияла Энджи. – Приходи познакомиться с моей командой за обедом. Ты можешь избежать обычного стереотипного бреда типа «новенький ест один».

– Спасибо.

– Необычный рекламный фургон, милая.

Прозвенел звонок. Она послала мне воздушный поцелуй и поспешила в класс. Я двигалась медленно, мой взгляд задержался на Айзеке за открытой дверью моего шкафчика. Он поднял взгляд.

Секунду сквозь запотевшие стеклянные двери мы смотрели друг на друга. Я снова была потрясена его опасной красотой. Он был гладким клинком. Резал взглядом, если не знать, как с ним обращаться.

А я украла его место на уроке английского.

«Может, больше не стоит этого делать...»

⁹ «Ангелы в Америке» – пьеса в двух частях, написанная американским драматургом Тони Кушнером в 1990 году.

Айзек приподнял подбородок, глядя на меня, потом потушил сигарету и заскочил обратно в здание. Прошел мимо меня, обдав запахом сигарет и колючим морозом; и нотка мяты. Он ни с кем не говорил, и никто не говорил с ним. Но, как и я, все ученики уставились на него. Все уставились. Зачарованные.

* * *

Я так и не научилась водить в Нью-Йорке, просто не было необходимости. У меня даже не было водительских прав. Поэтому я доехала домой из Джорджа Мэйсона на школьном автобусе. Он медленно трясся, направляясь к восточной части Хармони, где дорога начинала петлять между маленькими низкими холмами. В этой части города дома были огромными, с широкими дворами. Многие хвастались лошадиными загонами и сараями. Я даже представить не могла, что около дома может быть столько места. Задние дворы, передние дворы, боковые дворы. И повсюду деревья. Они стояли, словно скелеты зимой, но было легко представить их зелеными, с густой летней листвой или осенними, горящими оранжевым и красным. Легко и приятно. Я поняла, что жду этого с нетерпением.

Мама не проявляла такого энтузиазма.

– Надеюсь, наша страховка недвижимости покрывает набеги индейцев, – сказала она отцу, как только мы приехали, – и нападение саранчи.

Он притворился, что она шутит, хотя я знала: мама говорит совершенно серьезно. Жизнь за городом не подходила ей. Она жила социальной жизнью в Коннектикуте, девочка из Уэллсли и украшение Верхнего Вестсайда. Я считала, что она проживет шесть месяцев в Хармони, прежде чем поставит папе ультиматум: вернуться в Нью-Йорк или найти новый дом в «Разводграде».

Выйдя из школьного автобуса на новую улицу в тот первый день, я глубоко вдохнула морозный воздух. Это был совершенно другой тип холода, не такой, как в Нью-Йорке. Чистый холод. Возможно, это просто мое воображение, но мне казалось, что дышится чуть легче.

Наш старый таунхаус был просторным по манхэттенским стандартам, но наш новый дом был просто огромным. Здесь не было ни сарая, ни огороженного пастбища для Реджины Холлоуэй – она настаивала, чтобы мы купили нечто иное. Подобно мачехе Вайноны Райдер в «Битлджусе»¹⁰, она хотела вырвать сельское очарование из дома и заменить его холодной элегантностью. Мне бы понравился старый сельский домик с цветочками на желтеющих обоях и теплыми деревянными перилами на лестницах. Чем больше этот дом отличается от нашего городского, тем лучше. Никаких подсознательных напоминаний или отсылок к незаконной вечеринке, организованной мной, и тому, что произошло той ночью в моей спальне.

Я открыла входную дверь и ступила в тепло. У нас была огромная прихожая с люстрой, место которой в бальной комнате. Я пересекла светло-серый пол из деревянных досок и, скинув покрытые снегом ботинки, прошла через лабиринт диванов, стульев и свернутых ковров. Все эти вещи все еще были завернуты в полиэтилен.

Дом стоял тихий и пустой. Нашей мебели из Нью-Йорка было недостаточно, чтобы заполнить это громадное пространство. Мама поехала в Индианаполис докупить еще мебели. Папа был в офисе, как раб, трудился на мистера Уилкинсона, чтобы покрывать траты мамы.

На кухне уже почти все распаковали. Я сделала себе клубничный чай и пошла в комнату. Мою новую кровать должны бы доставить сегодня. Это была единственная покупка, которую я потребовала при переезде. Я утверждала, что теперь у нас есть место, и папа, безумно счастливый, что я не устраивала сцен из-за переезда в Индиану, был более чем рад согласиться.

Я засунула голову в комнату, потом выдохнула.

¹⁰ «Битлджус» – мистический фильм ужасов режиссера Тима Бёртона.

«Да».

Моей старой кровати и матраса с отметкой «Х» не было. Отданы на свалку или переработку. На их месте была королевского размера кровать с балдахином и прозрачными занавесками.

«Я буду спать в этой кровати, – поклялась я себе. – Как нормальная девушка».

Я поставила чай на стол рядом с ней и легла на обернутый пластиком матрас. Сложила руки на животе и закрыла глаза.

– Неприкасаемая, – прошептала я.

После бесконечных дерьмовых ночей сон быстро добрался до меня своими когтистыми лапами и затащил к себе. Вниз в черную тьму. Приглушенная пульсирующая музыка гудела сквозь стены и пол. Теплые губы, пахнущие пивом и арахисом, на моих губах. Руки сжимают горло. И этот вес. Ломающий, душащий, разрушительный вес Ксавьера...

Я резко села, крик застрял у меня в груди, пойманный между моими напряженными, ловящими воздух легкими. Я моргала, пока новая комната в моем новом доме не обрела четкость. Дневной свет исчез. Часы на радио показывали 18:18. Тяжело дыша, я вытерла слезы со щек и стащила покрывало на пол.

Кровати больше не были безопасными.

Я села, раскинув ноги, как кукла, размышляющая, как в той старой песне «Живая мертвая девушка»¹¹. Я подумывала о том, чтобы завернуться в покрывало, сделать кокон из пледа и провести остаток ночи здесь в ожидании утреннего света. Потом вспомнила о приглашении Энджи на спектакль Айзека.

Пока ко мне еще лип кошмар, мысль о том, чтобы выползти из дома в общество, казалась невозможной. Но, может быть, пьеса спасет как чтение – можно будет погрузиться в нее и бежать? Я могла бы затеряться в Древней Греции и отдалиться от собственной жалкой трагедии.

Я вытащила руку из-под одеяла и уставилась на номер на ладони.

Я действительно собиралась пойти на пьесу? Зачем?

«Чтобы завести нового друга, Энджи».

«Чтобы увидеть этого так называемого актера-вундеркинда Айзека Пирса».

«Чтобы выбраться из дома».

«Чтобы стать нормальной».

Я закатала рукав и сравнила синие чернила узловатой надписи Энджи с уродливыми черными «Х», нацарапанными внизу.

Я схватила телефон и отправила Энджи сообщение.

Это Уиллоу. Я в деле. Увидимся в 7:45?

Ответ пришел почти мгновенно.

Давай в 7, успеем заказать бургеры и коктейли в «Скупе». Ты на машине?

Я поняла, что нет, а водители «Убера» и других такси вряд ли были столь многочисленны в Хармони, как в Нью-Йорке.

Нет, подвезешь меня?

Да, Ваше Величество. <3

¹¹ Имеется в виду песня Rob Zombie – Living Dead Girl.

Я дала ей свой адрес и написала родителям.

Собираюсь поужинать с друзьями, а потом пойти на пьесу в театр. Буду дома около одиннадцати.

Мама хотела знать, с кем я собиралась пойти – она уже составила свое мнение о том, что весь Хармони населен деревенщинами и жлобами. Папа настаивал на комендантском часе в 11 часов и «ни минутой позже».

Я проигнорировала и то, и другое сообщение, пока собиралась. Это не имело никакого отношения к маме, и я не спрашивала папиного разрешения.

Глава третья

Уиллоу

Энджи посигналила с подъездной дорожки без десяти семь. Я вышла в розовой вязаной шапке, закутанная в белое зимнее пальто. Энджи высунула голову из водительского окна «Тойоты Камри» и уставилась на мой дом.

Она присвистнула, когда я забралась в машину.

– У Холлоуэй есть очень хорошо, – сказала она с ужасным французским акцентом и поцеловала кончики пальцев. – Твой папа занимается нефтяным бизнесом?

– Хорошая догадка, – ответила я. – Он вице-президент Wexx.

– О черт, да у нас эти заправки повсюду. Даже отец-неудачник Айзека работает на заправке на краю свалки. Так зачем вы здесь?

Я пожала плечами:

– Папин босс сказал ему возглавить операции на Среднем Западе. Так он и сделал.

– Кажется, как будто ты не против. – Энджи вела машину аккуратно, но не робко, вдоль извивающейся заснеженной Эмерсон Роуд, соединяющей мой район с центром города. По обеим сторонам дороги высились холмики снега. – Я бы бесилась, если бы пришлось переезжать на последнем году обучения.

– Не то чтобы у меня был выбор. Ты здесь прожила всю жизнь?

– Родилась и выросла, – сказала Энджи. – Но не останусь. Я подаю заявку в Стэнфорд, Калифорнийский университет Лос-Анджелеса, Беркли и в любой колледж Калифорнии, который примет меня. Я хочу солнце и пляжи, понимаешь? – она поджала губы, когда я промолчала. – Что насчет тебя? Ты куда поступаешь?

– Никуда, – сказала я.

Энджи затормозила перед знаком «стоп».

– Правда? Ты не пойдешь в колледж?

– Нет, – я поерзала на сиденье. – То есть я еще никуда не подавала заявление. Но буду. Скоро.

– Девочка, нужно этим заняться. Часики тикают.

– Знаю, – ответила я, сжав зубы.

В этом и была вся сволочь жизнь: она продолжалась, даже если тебе было безумно нужно притормозить и подождать минутку, пока пытаешься собрать себя воедино.

– Ты пойдешь в Йель, да? Или в Браун? – спросила Энджи, когда мы добрались до поворота и увидели огни центра Хармони впереди. – Я представляю что-то роскошное в стиле Новой Англии.

– Может быть.

– Эй, ты в порядке? – Энджи кинула на меня косой взгляд. – Я понимаю, что плохо тебя знаю – хэштэг «преуменьшение», – но ты кажешься немного... НЗ¹², подавленной. Мрачнее, чем сегодня днем.

– О, я поспала и теперь немного сонная, – ответила я. – И ты только что сказала НЗ?

– Я дитя эры технологий.

– Ты этим хочешь зарабатывать на жизнь? – спросила я, скорее, чтобы отвлечь внимание от себя, но мне даже было любопытно. – Что-то технологическое?

– Да, – сказала Энджи. – Роботехника – это мое. Я хочу строить конечности-протезы для людей, переживших ампутацию. Моя мечта – состоять в команде, которая создает конечности, подобные руке Люка Скайуокера¹³, понимаешь? Реалистичные снаружи, терминатор внутри.

– Ты смотришь много фильмов, да?

– Гик на сто процентов, только что получила сертификат.

Я слегка улыбалась, но улыбка гасла быстро, когда я думала об Энджи и ее мечтах. Она была благородной и доброй, амбициозно мечтала попасть в Стэнфорд и творить добро. Мне бы очень хотелось обладать этой искрой. Огнем, который стал бы топливом, ведущим меня к будущему, карьере, целям и задачам. Какая-то цель, помимо того, чтобы просто пережить еще одну бессонную ночь.

«Теперь ты вышла из дома», – произнес голос, похожий на бабушкин. Нужно стараться изо всех сил. Вот что важно.

Это меня немного успокоило, и в награду я обратила внимание на центр Хармони, похожий на открытку. Рождественские огоньки-гирлянды висели на всех зданиях викторианской эпохи, а в фасадах ютились многочисленные магазинчики. Мы проехали мимо прачечной, магазина товаров по пять центов, кафе «Дейзи» и парикмахерской. Неоновый знак «Магазин хозяйственных товаров Билла» горел красным рядом с вывеской одноэкранного кинотеатра. Снег сгребли в аккуратные кучки, по тротуару прогуливалось несколько горожан.

– Красиво, – пробормотала я.

– Да? – Энджи вытянула шею и глянула на дорогу поверх приборной панели, пока мы ждали, когда переключится один-единственный светофор. – Да, наверное, так и есть. Ты хорошо изучила Хармони? Знаю, он похоронен под снегом, но у нас тут есть кое-что крутое, чем можно выделиться.

– Например?

– К северу от нас классный лабиринт из живой изгороди.

– Лабиринт из живой изгороди?

– Он невысокий и не такой сложный, чтобы там заблудился турист, но в центре есть маленькая уютная хижина с мельницей. Просто как декорация.

«Или романтическое место», – внезапно возникла мысль в моей голове.

– К западу от города действительно классное кладбище времен Гражданской войны. И у нас есть амфитеатр под открытым небом, где проводятся городские праздники и фестивали.

¹² НЗ (энзэ) – сокращение от «не знаю».

¹³ Люк Скайуокер (англ. Luke Skywalker) – герой франшизы «Звездных войн», мастер-джедай.

Если тебе нужны магазины одежды или фаст-фуд, Брэкстон в десяти минутах на север. Если тебе нужен настоящий город, Инди в двадцати минутах за Брэкстоном.

Она подъехала к обочине рядом со зданием, на котором значилось «Скуп».

– Типичное место для тусовок старшей школы в стиле Джона Хьюза¹⁴, – сказала Энджи, выключив двигатель. – Но берегись: там бургеры, картошка фри и мороженое. Если ты девчонка, питающаяся салатами и ростками. Я нет, если ты этого еще не поняла, – она хлопнула по округлым бедрам, засмеявшись.

Я зашла за ней в ресторан. Он был переполнен, судя по всему, учениками Джорджа Мэйсона и семьями с маленькими детьми.

– Ах да, вижу, клики заняли обычные места, – подбородком Энджи указала на группки, собравшиеся вокруг столов или рассевшиеся на диванах.

– Вот мое племя, – заметила Энджи. – Надеюсь, ты не против, что я их пригласила.

– Нет, все нормально, – сказала я, пытаюсь вспомнить имена людей, которых Энджи представила мне за обедом сегодня днем. Ее парень Нэш Аргавал, милый парень индийского происхождения. Кэролайн Уэст, маленькая брюнетка. И Джоселин Джеймс, высокая блондинка, капитан баскетбольной команды.

– Если бы нас классифицировали, как в «Дрянных девчонках»¹⁵, мы бы были Величайшими Людьми, которых ты когда-либо встречала, – сказала Энджи. – Это странные разные научные гики и люди неопределенной сексуальности. – Она наклонилась ко мне, когда мы приблизились к столику: – На бумаге мы все гетеросексуалы, но Кэролайн однажды поцеловала Джоселин на вечеринке, и, согласно бессмертным словам мисс Перри¹⁶, им обоим понравилось.

Я уже решила, что команда Энджи попадает под классификацию «легко полюбить». Милые с большой буквы М. Тот тип людей, с которыми легко сблизиться. Те, которым можно рассказать определенные уродливые секреты, и они не заклеят тебя шлюхой и не станут спрашивать, какого черта ты вообще послала фотку топлес парню старше тебя. Или зачем ты пустила того же парня в свою спальню. Они будут даже в ужасе от того, что ты не помнишь, как вообще впустила его.

– Привет всем, помните Уиллоу? – спросила Энджи, присаживаясь на диван рядом с Нэшем. Кэролайн подвинулась поближе к Джоселин, чтобы освободить мне место. – Я объявляю ее нашей до того, как ее захватят чирлидеры. – Она неуверенно посмотрела на меня. – Только если ты не хочешь быть чирлидером?

Она кивнула на стол, где группка красивых девушек с длинными волосами и сверкающими от блеска губами разговаривали друг с другом, склонившись над телефонами. За следующим столом сидели парни в спортивных куртках. Их взгляд был приклеен к игре, идущей по телевизору в углу.

– Нет, я не чирлидер, – ответила я.

«Больше нет».

В моей старой жизни я не только была чирлидером, но и сопредседателем Комитета выпускного класса, классным казначеем и членом команды по дебатам. Вихрь занятий, которые теперь казались поблекшими воспоминаниями, принадлежащими кому-то другому.

– Ничего страшного, если да, – сказала Энджи. – Наши куклы не такие пластиковые.

– Все довольно милые, – заметила Джоселин, помахав девушке на другом конце ресторана. – Когда растешь с одними и теми же людьми с детского садика, сложновато вести себя стервозно.

¹⁴ Джон Хьюз – американский кинорежиссер, продюсер и сценарист.

¹⁵ «Дрянные девчонки» – американская комедия 2004 года, снятая режиссером Марком Уотерсом о школе, в которой существует своя кастовая система: качки, изгои (аутсайдеры) и «Баунти» – элита.

¹⁶ В песне Katy Perry – I Kissed A Girl есть слова: «Я поцеловалась с девушкой, и мне понравилось».

Нэш улыбнулся мне.

– Если тебе известно, что королева бала выпускников ела мел, то у нее практически нет рычагов давления.

– И все равно они могут постараться украсть тебя у нас, – сказала Энджи. – Ты такая блестящая и новая.

– Украсть меня откуда? – спросила я.

Энджи обменялась взглядом с Нэшем.

– Возможно, у меня были скрытые мотивы созвать нашу банду. Мотивы, не имеющие ничего общего с греческой трагедией.

– Она хочет, чтобы ты помогала с ежегодным альбомом, – сказал Нэш и дернулся, когда Энджи пихнула его локтем в бок.

– Ты не дал мне возможности прорекламировать эту должность, – заметила она.

– Пьеса начинается в сорок пять минут, – сказал Нэш. – У нас нет столько времени.

Энджи закатила глаза и порылась в сумке.

– Отлично, – она достала ежегодный альбом прошлого года и передала через стол. – Как мы уже раньше обсудили, заявки в колледж теперь на первом месте и тебе нужны внеклассные занятия, так?

Я кивнула, открывая блестящий альбом с фотографиями.

– Мой папа так приказал, так и будет.

– Итак? – Энджи хлопнула в ладоши. – Перефразирую «Клуб “Завтрак”», разве мы не особенные в этом смысле?

– Возможно, – ответила я, пролистывая странички.

Мне совершенно не была интересна перспектива стать помощником составителя ежегодного альбома. Или опять же чирлидером. Или подчиняться отцовским правилам. Я посмотрела на лица на фотографиях – ученики смеются, работают над проектами, поют в шоу талантов и выигрывают ленты на выставках научных ярмарок. Вся книга посвящена нормальным детям, занимающимся нормальными вещами. Я знала, что многим из них – возможно, большому числу, чем я догадывалась – приходилось справляться с каким-то своим дерьмом, но, казалось, у них намного лучше получалось оставлять все это позади.

Я совсем не двигалась вперед.

Официантка приняла наш заказ, я снова стала листать ежегодный альбом, остальные беседовали. Я открыла страницу общественной деятельности Хармони. Там была фотография Айзека Пирса на сцене. Застывшего на драматичном черно-белом снимке. Я наклонилась поближе.

– О, мисс Холлоуэй, – заметила Энджи. – Вы особенно любопытны в случае мистера Пирса, не так ли?

Я проигнорировала ее и просмотрела фотографии Айзека с подписями под каждой: «Ангелы в Америке», «Утраченное дитя»¹⁷, «Все мои сыновья»¹⁸.

– Он занимается этим уже давно? – спросила я.

– С начальной школы, – ответила Энджи.

– О, понятно, – сказал Нэш, закатив глаза. – Сегодня не вечер наслаждения искусством, а инициация нового члена фан-клуба Айзека Пирса, – он посмотрел на Энджи. – Надеюсь, ты сказала новенькой, что она напрасно надеется.

– Я ни на что не надеюсь, – ответила я, а мое сердце сжалось от боли. Мысль о том, чтобы снова оказаться с парнем, была отталкивающей. Чтобы стоять близко к нему. Находиться в

¹⁷ «Утраченное дитя» – пьеса американского драматурга Сэма Шепарда.

¹⁸ «Все мои сыновья» – драма американского писателя Артура Миллера.

тесной машине на свидании. Целоваться. Касаться друг друга. Чувствовать, как его тело прижимается ко мне, и не знать его намерений. Или его силы.

Я с хлопком закрыла ежегодный альбом, одновременно прогоняя образ Айзека из мыслей, которые могут привести к панической атаке десятого уровня.

– На него приятно смотреть, – сказала Джоселин, – но серийный соблазнитель учениц колледжа даже не взглянет на нас, детишек.

– Детишек? – спросила я. – Он же нашего возраста.

Они все покачали головами.

– Нет?

– Нет. Его мама умерла, когда ему было восемь, – сказала Энджи. – Он перестал говорить месяцев на шесть или типа того, и ему пришлось оставаться на второй год.

Я нахмурилась.

– Он перестал говорить на целых полгода?

Энджи кивнула.

– Может, и дольше. Он был с нами в третьем классе начальной школы. Прежде чем его забрали. Было странно видеть маленького мальчика... лет восьми? Не произносящего ни слова. – Она покачала головой. – Бедняга.

Мой разум нарисовал образ маленького светловолосого мальчика с дымчатыми зелеными глазами, из которого трагедия выбила слова.

– Почему он снова заговорил?

– Мисс Грант, учитель четвертого класса, ставила маленький спектакль и убедила его участвовать. – Энджи подняла руки. – Все остальное – история.

Я медленно кивнула. Она дала ему чужие слова.

– Но он потерял год школы, – сказал Нэш.

Кэролайн кивнула.

– Ему восемнадцать. Нет, подождите... – она посчитала на пальцах. – Ему, скорее всего, уже девятнадцать, правильно?

– Это, должно быть, сложно, – сказала я.

Джоселин пожала плечами и опустила картошку фри в кетчуп.

– Это принесло результат. Его игра сделает его знаменитым.

– Кстати, об этом, – сказал Нэш, глядя на часы. – Нам стоит собираться. Эдип сам себе глаза не выколет.

Энджи хлопнула его по руке.

– Эй? А предупреждать о спойлерах?

– Я знаю эту историю, – сказала я и, не удержавшись, улыбнулась. У меня не получалось не любить Энджи, которая взяла меня под руку, пока мы шли по улице. Сначала я вздрогнула. Я не была фанатом прикосновений, но Энджи казалась теплой по сравнению с моим льдом, и я позволила ей это сделать. Наше дыхание облачком струилось по мерцающим зимним улицам.

– Так есть мысли по поводу моего предложения? – спросила она. – Для ежегодного альбома наступает горячая пора, и мне бы действительно не помешала помощь.

– Не знаю, – ответила я. – Не думаю, что это мое.

Она надула губки.

– Уверена? Потому что...

– Да, уверена, – ответила я твердым голосом. Я заставила его снова стать мягче. – Мы переехали всего девять дней назад. Я все еще привыкаю.

– О боже, конечно, – ответила Энджи, широко улыбаясь. – Я ужасно навязчивая.

– Да неужели? – пробормотал Нэш себе по нос.

Энджи скорчила рожицу, глядя на него поверх плеча, и повернулась обратно ко мне.

– Занимайся своим делом, Холлоуэй, – сказала она. – Чем бы оно ни было. Но моя дверь всегда открыта. Всегда.

– Спасибо.

От слов Энджи мне стало теплее, и было тепло всю оставшуюся часть прогулки до Общественного театра Хармони.

Занимайся своим делом, чем бы оно ни было.

Глава четвертая Уиллоу

По сравнению с другими магазинами центра Хармони, здание, в котором находился театр, было неприлично запущено. Колонны начала века у входа в театр были покрыты грязью от автомобильных выхлопных газов многих лет. Бетонные ступени, ведущие ко входу, потрескались. Внутри пылинки танцевали в мягком свете, льющемся из элегантных цветных стеклянных светильников на потолке.

Купив билеты в маленькой кассе, Энджи и ее друзья разговаривали между собой, пока я бродила по фойе, рассматривая галерею черно-белых фотографий. Некоторые из них были историческими снимками здания. Согласно снимкам, Общественный театр Хармони работал с 1981 года, когда Хармони был еще маленьким собранием далеко расположенных друг от друга зданий, разделенных широкими немощеными дорогами. Двуколки, запряженные лошадьми, женщины в платьях и больших шляпах с перьями пересекали широкие проспекты.

Одна длинная стена была завешана фотографиями последних спектаклей – словно показовая съемка различных стилей, костюмов и пьес начиная с 1900-го и по настоящее время. Я замедлила шаг и стала внимательнее рассматривать снимки прошлых пяти лет. Почти на всех них был Айзек Пирс. Он не всегда играл главную роль, но участвовал в каждом спектакле.

«И в каждом он выглядит по-другому», – подумала я.

Даже в ранних представлениях, когда юность крылась в его мягких, круглых чертах, он мог еле заметно изменить выражение лица или походку – уловки, которые превращали его в совершенно другого молодого человека в каждой новой роли.

– Отлепи глаза от этих фотографий, – сказала Энджи, потянув меня за рукав. – Пришло время полюбоваться настоящим.

Мы зашли в главный зал театра с двумя секциями мягких сидений. Когда-то бархат был ярко-красным, но теперь поблек до тусклого каштанового цвета. Красный занавес просцени-

ума¹⁹ тоже видал лучшие годы. Факелы посылали лучи света, взбирающиеся по стенам на пересекающиеся своды потолка.

«Царь Эдип» уже две недели шел в этом крошечном городке, но мне показалось, что театр, вмещающий 500 зрителей, был заполнен на три четверти.

– Разве еще не все в Хармони посмотрели эту пьесу? – спросила я Энджи, когда мы заняли свои места.

– И не раз, – ответила Энджи. – Завтра последний спектакль, и все билеты распроданы. Люди приезжают отовсюду. Из Брэкстона и Инди.

– Даже из Кентукки, – заметила Джоселин, сидящая по другую руку от меня. – Театр играет большую роль на Среднем Западе.

– В университетах Огайо и Айовы есть престижные факультеты театрального искусства, – сказал Нэш. – Наш маленький город притягивает и важных персон.

Энджи потеряла костяшки о толстовку.

– Мы типа очень важные.

– Если это так важно, почему они не могут позволить себе ремонт? – спросила я, ерзая, потому что пружина в сиденье врезалась мне в зад.

Энджи пожала плечами.

– Более десяти лет назад Мартин Форд, владелец, занял место предыдущего парня, который угробил финансы театра. Почти обанкротил. Теперь Форд изо всех сил старается держать его на плаву.

– Они не могут получить грант или типа того? Какое-нибудь пожертвование?

– Уверена, мистер Форд делает все, что в его силах, – сказала Джоселин.

Кэролайн кивнула.

– Он любит это место. Он не просто владелец. Он еще и режиссер всех спектаклей.

– Большинство его актеров – наши горожане, – заметила Энджи. – Он хочет, чтобы все было органично, – она показала на мою программку. – Он тоже играет в спектаклях.

Я посмотрела на список состава и нашла имя Мартина Форда. Он играл Тиресия, слепого пророка.

– Так это он дает Айзеку все роли?

– Более того, – сказала Энджи. – Он выбирает пьесы, которые, по его мнению, лучше раскроют талант Айзека. Айзек его протеже.

– Думаю, ты пыталась вспомнить слово «источник доходов», – заметил Нэш, рассеянно и нежно накручивая локон Энджи на палец.

– Это два слова, – она наклонилась ко мне. – Нэш завидует, потому что в хитоне он так хорошо не смотрится. – Огни стали гаснуть. – Ну вот, легок на помине.

Огни потухли, и нас накрыла тьма, а когда они снова зажглись, нам открылся вид на черную пустую сцену. Огромные белые кубы и колонны обрамляли комнату. Белый пейзаж Фив был нарисован грубоватыми черными штрихами. Минималистические декорации, чтобы позволить словам захватить внимание зрителей.

На сцену вышел жрец, окруженный толпой мужчин и женщин в белых хитонах, которые олицетворяли страх, смятение и отчаяние.

Когда Айзек Пирс вышел на сцену, среди зрителей поднялся легкий шум – поток искрящегося предвкушения.

Вот он.

Его прекрасное лицо было частично скрыто фальшивой бородой, превратившей его из девятнадцатилетнего американского парня XXI века в могущественного и всезнающего царя.

¹⁹ Просцениум – часть сцены перед занавесом.

Я никогда не была религиозна, но в тот момент я готова была поклясться, что свет, посланный греческими богами, падал на него. Он был божественен. Словно из другого мира.

«Неприкасаемый».

Он поднял руки, и его громкий голос требовал, нет, повелевал, чтобы мы обратили внимание.

*– Сыновья и дочери старого Кадмуса,
Город отяжелел от смеси стонов, гимнов и благовоний,
Я не считал, что должен услышать об этом от посланников, но сам пришел...
Я, Эдип, которого все называют Великим.*

Я уставилась на него, открыв рот.

«Эдип Великий».

– Черт побери, – прошептала я.

Краем глаза я видела, что Энджи улыбается, хотя ее взгляд был прикован к сцене.

– Говорила же...

Мы и слова не произнесли до того, как закрылся занавес. Я едва двигалась, хотя пружина в подушке впивалась мне в зад. Пожарная тревога не отвлекла бы меня ни на секунду от действия на сцене.

Как и любой ученик старшей школы, я читала Эдипа на английском с учебником Spark Notes²⁰, потому что кому какое дело до парня, который спал с собственной матерью?

Этим вечером мне было дело. Во всех отношениях. Я жила этим. Когда Айзек стоял посреди сцены, я тоже там была, в Фивах, смотрела, как разворачиваются события, и отвернуться было невозможно. Я задержала дыхание, когда Эдип бросился навстречу своей ужасной судьбе, пытаясь раскрыть тайну, которую делила со всеми присутствующими в театре. Тайну, которую я отчаянно хотела знать.

Личность. Цель. Самостоятельность.

«Правда, – прошептал голос в бесконечной тьме. – Что от меня осталось?»

Когда Эдип узнал, что путешественник, которого он убил много лет назад, был его отцом, а женился он на матери, страдание было искренним и мощным. Практически разрушительным. Его мучительное отрицание разносилось по всему театру, словно могло поколебать само его основание. Обрушить все здание на него, когда он упал на колени.

Когда Иокаста – его жена и мать – повесилась, горе и боль царя притянули зрителей слишком близко.

Когда он сорвал золотые фибулы с ее платья и с помощью них выцарапал глаза, театральная кровь, брызжащая из-под его ладоней, была такой же настоящей, как и кровь, испуганно бьющаяся в наших венах. Его агония наполнила все крики, все слоги, все слезливые ахи. И у нас не было другого выбора, кроме как тоже это почувствовать.

Я едва замечала всхлипы с соседних мест. Люди передавали платки и судорожно выдыхали. Но только когда Эдип, очистившись от ужасного веса пророчества, был изгнан из дома, я расплакалась, и слезы полились по щекам. Павший царь, низвергнутый в темноту, вынужденный бродить в одиночку.

Опустился занавес, и мы все вскочили на ноги, громогласно аплодируя. Толпа заорала громче, когда Айзек вышел на поклон. За бородой и потоками крови он казался изможденным. Потом он улыбнулся. Это была яркая, захватывающая дух, триумфальная улыбка человека, прошедшего темный путь и вышедшего на свет.

²⁰ Учебник Spark Notes – это учебник по литературе с заметками, облегчающими читателю понимание и интерпретацию текста.

Я хлопала снова и снова и не вытирала слезы, текущие по щекам, а затухающее пламя огня во мне становилось все больше и тянулось к сцене.

Глава пятая

Айзек

Безумие после спектакля всегда казалось мне сюрреалистичным. Поздравительные объятия и похлопывания по спине от состава актеров словно касались чьего-то другого тела, пока я смотрел из-за угла, все еще потерянный и связанный с Эдипом. Некоторые актеры называли это «быть в кураже», но Мартин называл это «поток». Поток творчества, в котором спектакль переставал быть спектаклем и становился реальностью.

«Поток» был моим наркотиком. Я начинал желать его, как только покидал театр. Я бы продал все, что имею, чтобы жить в том месте, где болезненные эмоции, пойманные в ловушку внутри меня, освобождались. Тогда я становился открытым и настоящим и все же защищенным костюмами и декорациями.

Лоррен Эмбри, сорокалетняя школьная учительница, играющая Иокасту, заключила меня в долгие объятия. Когда она отстранилась, в ее глазах стояли слезы.

– Каждый вечер, – сказала она, держа мое лицо в руках. – Как ты можешь столько отдавать каждый вечер?

Я пожал плечами.

– Просто выполняю свою работу.

Мы направились в примерку, чтобы переодеться и стереть театральный грим, а в моем случае еще и фальшивую кровь. Переодевшись в повседневную одежду, остальные чесали языками и обсуждали спектакль, сокрушаясь, что осталось всего одно представление. Они попрощались и направились на встречу с друзьями и родственниками, пришедшими посмотреть на них. Как обычно, мне было немного любопытно, стоял ли батя среди толпы в фойе. Как обычно, я подавил интерес.

«Только если с каждым билетом давали бутылку Old Crow».

Гримерная теперь стояла пустая, за исключением меня, Мартина и Лена Хостетлера, игравшего Креонта.

– Парни, хотите выпить пива? – спросил он. А потом засмеялся: – Черт, Пирс, постоянно забываю, что тебе только восемнадцать, о царь, а не тридцать.

Мартин, стройный мужчина с гривой седеющих волос и большими голубыми глазами, засиял.

– Вообще-то сегодня...

Я кинул на него предостерегающий взгляд в зеркале, слегка качнув головой.

– ...неподходящее время, – закончил он мысль. – Спасибо, Лен.

Лен отсалютовал.

– Какую пьесу ставим после этого, герр Режиссер? Вы приняли решение?

– Да, я решил, что это будет «Гамлет», – ответил Мартин, встречаясь со мной взглядом в зеркале.

– Хороший выбор, – заметил Лен. – Напрашивается вопрос, что пришло вам в голову раньше – пьеса или актер? – он засмеялся и похлопал меня по плечу. – Я шучу, парень. Ты гениален. Как обычно. – Он повернулся к Мартину: – Нам нужно использовать талант этого парня, пока Голливуд или Бродвей не забрали его, я прав?

– Точно мои мысли, – сказал Мартин.

– Хорошего вечера, парни.

Двери закрылась, и мы с Марином оказались вдвоем.

– Весь актерский состав бы устроил тебе вечеринку в честь дня рождения, если бы ты им позволил, – сказал Мартин, завязывая шнурки.

– У нас вечеринка, – ответил я. – Вечеринка труппы. Завтра вечером после закрытия спектакля.

– Это не одно и то же...

– Невелика разница, – ответил я. – Мне девятнадцать, а я все еще в старшей школе – это чертовски грустно.

На лице Мартина появилось беспокойство, и я сразу пожалел, что не удержал свой чертов рот на замке.

– Это не твоя вина, – заметил он, удерживая мой взгляд в зеркале. – Из тебя выбили весь воздух, парень. Они оставили тебя, чтобы ты смог набрать его снова. Не стоит этого стыдиться.

Как и всегда, у меня не было достойного ответа на это, поэтому я сменил тему.

– «Гамлет?» – спросил я. – Я думал, что вы скорее выберете «Стеклянный зверинец»²¹.

Мартин поднял руки:

– Лен прав. Я должен использовать талант, какой имею, а тебе нужно оказаться на сценах побольше. «Гамлет» – яркая роль, и она поможет нужным людям тебя заметить.

– Возможно.

– Не возможно. Это гарантировано. Я пытался связаться с несколькими агентствами, ищущими таланты. Несколькими важными особами из Нью-Йорка, одним из Лос-Анджелеса. Парень из Лос-Анджелеса уже согласился устроить тебе прослушивание этой весной.

Я откинулся на стуле.

– Ты шутишь?

Он положил руку мне на плечо.

– Мне неприятно терять тебя, Айзек, но я выпихну тебя из Хармони с помощью этой пьесы. Я хочу, чтобы «Гамлет» стал твоим великим финалом здесь.

Я уставился на него. Мартин знал об отношениях между мной и отцом. Он знал, что я коплю деньги, чтобы ко всем чертям вырваться из этого города. Наша свалка и бензоколонка не приносили дохода. Учитывая минимальную зарплату за уборку театра на должности неофициального разнорабочего Мартина и 30 долларов за каждый спектакль, в котором я играл, мне понадобится еще девятнадцать лет, чтобы заработать нужную сумму. Не говоря о том, что мои планы по спасению портила вина за то, что придется оставить батю напиваться одного до белочки в этом дерьмовом трейлере.

²¹ «Стеклянный зверинец» (англ. The Glass Menagerie) – отчасти автобиографическая пьеса Теннесси Уильямса.

– Айзек, тебе нужно позаботиться о самом себе, – сказал Мартин. – Ты создан для чего-то большего и лучшего, чем то, что имеешь сейчас. И я знаю, что ты в это не веришь, но ты заслуживаешь чего-то лучшего.

Я отвернулся к зеркалу и стер последние следы засохшей крови под глазами.

– Сначала нужно пройти прослушивание, – ответил я напряженно.

Мартин хлопнул меня по спине.

– Ага, именно так. Не провали его.

Я издал нечленораздельный звук и вылез из-под его руки, чтобы натянуть ботинки.

– Направляешься домой? – спросил он. – Или на горячее свидание с одной из твоих женщин?

Я закатил глаза.

– Я иду на работу.

– Ни за что, – ответил он. – Сегодня у тебя выходной.

– Я не могу позволить себе взять выходной.

– Думаешь, я задержу твою зарплату? В твой день рождения?

Мартин поставил свою громоздкую потертую сумку на стол гримерной. Он порылся в ней и достал толстый красный конверт.

– С днем рождения, парень.

Мгновение я смотрел на Мартина, а потом взял конверт из его рук. Он был тяжелым, как подарочный сертификат. Возможно, из магазина одежды в Брэкстоне. Сердце упало в груди под весом всего, что Мартин сделал для меня этим вечером. Не просто подарил сертификат.

«Гамлет – роль всей моей жизни».

Агентства по поискам талантов.

Настоящую возможность выбраться отсюда.

На меня нахлынула волна благодарности, наполняя меня и мешая вырваться тем жалким словам, что я пытался произнести.

– Вы не обязаны этого делать. Ничего из этого. Но... я благодарен, – я прочистил горло и запихнул конверт в задний карман джинсов. – То есть правда. Спасибо.

– Это от меня и от Брэнды, – ответил Мартин. Его улыбка стала напряженной. – Как поведет себя твой старик сегодня вечером?

– Скорее всего, он приготовил вечеринку-сюрприз.

Мартин сложил руки на груди и пристально посмотрел на меня.

– Ты знаешь, как он будет себя вести, Марти. – Я надел кожаную куртку. – Вырубится или напьется, мечтая помахать кулаками.

– Будь осторожен. И помни: наши двери всегда открыты.

– Ага, ладно. Передай Брэнде спасибо от меня.

Он опустил руки, вздохнув.

– Конечно.

Взволнованный взгляд Мартина следовал за мной, как теплый ветер, к кабине моего старого голубого Dodge. Дыхание вырывалось паром из моего рта, когда я включил двигатель и дал ему медленно прогреться. Я обдумывал предложение Мартина, пытаюсь определиться.

Форды жили в большом кирпичном доме на Фронт-стрит. Перед ним стояли огромные клены, а вдоль тротуара – забор из кованого железа. Дом был построен в 1862 году, его переделали и обновили. Интерьер был наполнен эклектичными статуями и картинами, которые они насобирали за долгие годы у друзей-художников и привезли из дальних путешествий.

Я часто там бывал, и несколько раз, когда батя становился особо жестоким, я оставался в их гостевой. В такие ночи я часто думал о том, чтобы постоянно жить с Мартином и Брэндой. Я знал, что они меня примут. Мне девятнадцать, и я мог бы жить, где хотел. Батя не смог бы возразить. И все же...

Лежа на мягкой кровати в гостевой комнате Фордов с идеально работающим обогревателем, окруженный комфортом и крепкими кирпичными стенами вместо дешевых досок, я не мог заснуть. Я представлял отца одного в том дерьмовом трейлере и вспоминал, как, когда я был ребенком, еще до смерти мамы, он играл со мной в мяч. Или позволял мне притворяться, что я бреюсь по утрам перед зеркалом в ванной вместе с ним.

Батя был пьяницей-неудачником, но он был моей семьей.

На пассажирском кресле пикапа я достал из заднего кармана джинсов красный конверт. Он был красивым – скорее всего, из дорогого магазина канцелярии в Брэкстоне. Золотые театральные маски, трагедия и комедия, украшали конверт. Внутри лежало пятьдесят долларов и подарочная карта магазина одежды «Аутпост», тоже находившегося в Брэкстоне, а также записка, написанная аккуратным почерком Мартина:

*Деньги потратить на что угодно. А сертификат использовать для необходимого.
С днем рождения,
Мартин и Брэнда.*

Мое зрение затуманилось.

– Черт, Мартин.

«Может, батя и моя кровь, – подумал я, – но Мартин и Брэнда моя семья».

Я собрался, завел не с первой попытки машину, стер конденсат со стекла. С парковки напротив театра я видел все еще стоящих там зрителей, разговаривающих с членами труппы.

И я увидел ее.

Уиллоу. Новенькую. На ступеньках, рядом с Энджи МакКензи и ее командой. Волосы выбились из-под ее розовой шапочки и рассыпались по белому пальто. В перчатках она держала свернутую программку «Эдипа».

– Она видела спектакль, – услышал я собственный голос.

Как идиот, я коснулся окна. В безопасности, спрятавшись в темноте кабины, я смотрел, как Уиллоу бросила взгляд на светящуюся бегущую строку. Свет озарил ее красивое лицо, идеальный овал гладкой кожи и большие глаза. Потом друзья потянули ее за руку и увели по улице в противоположном направлении.

Я вообще не знал эту девушку, но добавил то, что Уиллоу Холлоуэй посмотрела мое сегодняшнее выступление, к списку подарков от Марти, уже лежащих в кармане.

И впервые в жизни я почувствовал себя богатым.

Глава шестая

Айзек

Я оставил огни Хармони в зеркале заднего вида, а покрытая льдом дорога впереди становилась все ухабистее и темнее. Дома в этой части города стояли маленькие, окруженные забором-рабицей и голыми деревьями, скребущими небо.

Мышцы плеч напряглись, когда я подъехал к трейлеру – внутри жилой части горел свет. Я сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться. «Батя, возможно, вырубился, а не поджидает меня», – сказал я сам себе. Так было бы не в первый раз.

Я заглушил двигатель и спрятал конверт с подарочным сертификатом и наличными в бардачок. Приносить свидетельства щедрости Мартина Форда в трейлер – значит напрашиваться на кучу дерьма.

Я повернул ключ в замке и поморщился, когда дверь скрипнула. Заглянул внутрь, как укротитель львов, перед тем как войти в клетку. Батя сидел на диване. Сидел, вырубившись. Подбородок опущен на грудь, влажно храпит. Телевизор показывал новости. Вторая бутылка Old Crow присоединилась к первой на кофейном столике, тоже уже пустая. Воздух казался густым от сигаретного дыма.

Я выдохнул с облегчением. Тихо подкравшись, я выключил телевизор и свет. Я подумывал о том, чтобы уложить отца и накрыть одеялом, но по горькому опыту знал, что безопаснее просто оставить его одного. Не хотелось давать последнее представление «Эдипа» с разбитым носом.

Обогреватель тихо жужжал, но тепло, которое я почувствовал по возвращении, уже сходило на нет. В своей комнате я скинул ботинки и куртку и забрался в постель в одежде.

Мои мысли вернулись к представлению. Лоррен была права: я каждый вечер столько отдавал на сцене – столько гнева и сожалений. Выпускать все эти эмоции в театре было сродни очищению. Позволить боли Эдипа стать проводником моей собственной. Я столько отдавал, потому что у меня столько всего и было после смерти матери.

Я перевернулся на тонком матрасе, пытаясь не думать о том, каково бы было, если бы мама присутствовала сегодня на спектакле, сегодня и каждый вечер. Возможно, батя был бы с ней и его склонность к жесткости и твердости еще бы не превратилась в нечто гнилое и отвратительное. Если бы она все еще была с ним. Мы бы все еще жили как раньше, в моем

детстве, в одном из тех маленьких домиков, мимо которых я проходил по пути сюда, а не ютились бы в этом разваливающемся трейлере. Вместо пьяных криков и ярости воздух был бы наполнен маминым голосом, пока она работала в саду или подпевала радио. Она отвозила бы меня в «Скуп» за мороженым и «просто так».

Когда мама была жива, я любил Хармони. Саундтреком города был ее приятный голос, играющий на фоне жизни. Но ее заставили замолкнуть навсегда, и, когда она умерла, какая-то часть меня тоже затихла.

Я перевернулся на бок, поворачиваясь спиной к глупым фантазиям и глубже зарываясь в одеяла. Что сделано, то сделано. Она умерла, Хармони был адом, и единственный способ сбежать от несчастий и найти собственный голос – выбраться отсюда ко всем чертям.

«Мартин пригласил агентов по поиску талантов прослушать меня».

Мое актерское мастерство могло бы увести меня куда-нибудь. Я играл не для аплодисментов. От комплиментов мне становилось тошно. Но теперь я вспомнил вечерние овации, когда зал встал, и они не замолкали и не замолкали. Непрекращающиеся аплодисменты раздавались в моей голове, заглушая холодный ветер, свистящий под трейлером.

И прямо перед тем, как меня накрыл сон, я вспомнил золото волос Уиллоу Холлоуэй, стоящей под театральной вывеской. Девушка смотрела на нее так, словно та хранила секреты вселенной.

* * *

На следующее утро батя рано вышел из трейлера. Я наблюдал за ним через кухонное окно, пока он шел мимо рядов брошенных машин во дворе. Он был похож на маленькое пятно в армейской зеленой куртке и красной охотничьей кепке. Из его рта паром вырывалась дыхание.

Он часто бродил по кладбищу своего бизнеса, словно плакальщик среди надгробий. Грустил о надеждах и мечтах. Скорбел по моей матери. Я мог бы посочувствовать ему, если бы слишком хорошо не знал, что он вернется, рассердившись из-за неудачного бизнеса и дерьмовой судьбы, подаренной ему миром. И выместит злость на мне.

Я коснулся пальцами шрама на подбородке, почти полностью скрытого маленькой бородкой. Сюда батя однажды попал, кинув в меня лампой. В другой раз он принес железный штык со свалки, требуя, чтобы я нашел побольше и сдал на переработку. Когда я недостаточно быстро убежал, он сломал мне руку. Я играл «Смерть коммивояжера»²² в гипсе.

Когда он замахнулся на меня в последний раз, я ударил его в ответ и оставил с фингалом, которым он хвастался в таверне «Ника». Потом пошли слухи в школе. Я был жестоким, легко теряющим контроль и любящим подраться, как и мой старик. Но никто ко мне не лез, а именно это мне и нравилось.

Я отвернулся от окна и принял душ в крошечной ванной трейлера, отмораживая яйца, – сквозь щели в раме проникал холодный воздух. Я вытерся и быстро оделся, надев те же джинсы, что и прошлым вечером. Я натянул чистую футболку, на нее толстовку, потом куртку.

Батя только заходил, когда я собрался выйти.

– Куда ты? – спросил он, перегораживая выход.

– На улицу, – сказал я. – Потом на работу в театр. Потом на спектакль.

– На улицу, – он выдохнул струюку дыма, загнав меня обратно в трейлер. – Это «на улицу» подразумевает одну чертову минуту работы на заправке? – он ткнул большим пальцем за спину, показывая на двор. – Или проверку автоответчика на предмет заказов автозапчастей? Здесь ржавеет хороший товар, пока ты танцуешь на сцене.

²² «Смерть коммивояжера» (англ. *Death of a Salesman*) – пьеса американского писателя Артура Миллера, написанная в 1949 году.

Я сжал зубы. Нам уже шесть месяцев не звонили на свалку ради деталей. Наш бизнес заключался в том, что батя сидел на заправке Wexx каждое воскресенье, а я снимал на свалке части ржавеющего металлолома, которые можно снова использовать. Никто не приезжал заправиться, и я уже сотни раз проходил через этот разговор.

– Я не могу снять их, когда они заледенели, – ответил я.

– Бред. У нас акры потенциальной прибыли могут испортиться из-за твоей ленивой задницы.

У меня задергалась челюсть. На грудку металлолома в моем грузовике не купишь и пачки сигарет. С такими дерьмовыми расценками мне понадобятся недели, чтобы загрузить и вывезти достаточно металлолома на переработку и заработать хоть что-то.

– Я больше зарабатываю в театре, – ответил я. – А когда растает снег, мы сможем снова начать отвозить металл на переработку.

«А ты мог бы заниматься заправкой, как указано в твоём контракте франшизы».

Лицо бати покраснело, и я подумал, что он может что-то выкинуть. Я подтянулся и вскинул подбородок. При росте метр восемьдесят я возвышался над ним. С тех пор как он сломал мне руку три года назад, я стал заниматься подъемом тяжестей, чтобы заставить его дважды подумать, прежде чем снова связаться со мной.

Но он был трезв. Какие бы остатки приличия в нем еще ни оставались – а их было не много, – этим утром они не утонули в выпивке. Пока что. Он протолкнулся мимо меня, и в нос ударил запах виски и затхлого сигаретного дыма.

– Тогда убирайся отсюда ко всем чертям. Бесплезный. Я не хочу видеть тебя.

«Это чувство взаимно», – сказал я себе и, уходя, захлопнул за собой дверь. Я покинул трейлер в целости и сохранности, но чувствовал себя так, словно он ударил меня прямо в чертову грудь.

* * *

Я поехал в Брэкстон. В магазине одежды «Аутпост» я купил две новые пары джинсов, носки и белье. Женщина за стойкой сказала, что на карте у меня осталось пятьдесят долларов.

«Боже, Марти».

Я оставил ей свои покупки и пошел в детский отдел. Там я нашел непромокаемую зимнюю куртку – хорошую, а не какое-то дешевое дерьмо – яркого синего цвета, на распродаже за 45,99 долларов. Я поднял ее, чтобы оценить размер, а потом отнес на кассу.

– Для вашего маленького брата? – спросила она, обнуляя карту.

– Ага, – ответил я.

Она улыбнулась.

– Как мило.

В ресторанном дворике торгового центра я купил кусочек пиццы и напиток «Доктор Пепер», а потом направился обратно в Хармони. У меня еще был час до работы в театре. Я свернул в свою часть города, выбрав привычную дорогу мимо восточной части «Автосвалки Пирса». В дальнем конце, где забор свалки служил задним двором ряду маленьких домиков, я припарковался и вышел.

Перевернутый старый проржавевший пикап лежал, навалившись на забор, сетку-рабицу. Словно забытый реквизит из фильма. Из кабинки я услышал голос, тихо напевающий «Feeling good» Нины Симон.

Я приложил два пальца к губам и издал низкий свист.

Пение остановилось, и Бенни Ходжс выбрался из грузовика. Он широко улыбнулся, его зубы засияли белым на темной коже, а потом улыбка снова превратилась в скучное безразличие тринадцатилетнего.

– Что случилось, брат? – спросил он, вытирая руки о джинсы, а затем предлагая мне стукнуться кулаками. – С днем рождения.

– Спасибо.

– Мама тебе кое-что приготовила. Подожди, дай я принесу.

Он нырнул в отверстие забора-рабицы. Его слишком тонкое пальто развевалось позади, пока он бежал по примятой снегом траве. Он зашел в дом и вышел с маленьким круглым тортом на тарелке под полиэтиленовой оберткой. Из кармана Бенни торчали вилки и дребезжали, пока он бежал.

Он снова пролез под забором и протянул мне торт. На нем была белая, с сырным кремом, глазурь и оранжевая надпись неаккуратным мальчишеским почерком: «С днем рождения».

– Морковный торт, – сказал мой названный братишка, сияя. – Твой любимый, верно? И я сам написал слова.

– Спасибо, Бенни, – ответил я, и мое сердце сжалось. – Спасибо и Иоланде.

– Она на работе, но попросила передать тебе «С днем рождения». – Он уставился на меня, и в его темно-карих глазах читалось нескрываемое желание. – Мы сейчас возьмемся за него, да?

Я засмеялся.

– Да, давай сделаем это. Но сначала...

Я отложил торт на шину грузовой фуры и достал пакет из «Аутпоста». Бенни подозрительно уставился на него.

– Что это?

– Куртка.

– Сейчас мой день рождения или твой?

Я протянул пакет.

– Твоя слишком тонкая. Бери.

Он колебался. Гордость не давала ему поднять руки.

Я вздохнул.

– Твоя мама заботится о том, чтобы у тебя была крыша над головой?

– Ага.

– И еда на тарелке?

Он кивнул.

– Точно, – ответил я. – А как часто она делает что-то для меня и бати?

Бенни поскреб пальцем подбородок.

– Раз в неделю?

– По меньшей мере. Это за то, что она заботится о нас, – я протянул пакет. – Теперь мы о ней позаботимся. Бери.

Он взял пакет.

– Дети в школе издевались надо мной... – Он снял старое пальто и надел новую куртку. Застегнул до подбородка и разгладил рукава. Он улыбнулся и на мгновение стал обычным ребенком, а не молодым человеком, которому пришлось быстро повзрослеть без отца.

– Она теплая, – сказал он.

– Хорошо.

Мы пожали руки, и он слегка приобнял меня, по-мужски хлопнув по спине.

– Спасибо, бро, – сказал он, его голос казался напряженным, и объятия продлились чуть дольше, чем нужно. Я позволил ему это.

Я встретил Бенни три года назад. Или, скорее, нашел его, тут, рядом с забором. Он съезжился у фуры, плача по своему отцу, убитому в Афганистане, когда Бенни было всего пять. Он хотел поплакать где-то вдали от дома.

«Где мама не увидит и не станет волноваться», – сказал он тогда. Он рассказал мне, что его задача теперь заботиться о ней. Я сказал ему, что тоже забочусь о своем бате. С тех пор мы друзья.

Бенни отпустил меня и позволил сентиментальному мгновению растаять в холодном воздухе.

– Как школа на этой неделе? – спросил я, пока мы ели торт.

– Норм, – ответил Бенни. – Контрольная по наукам.

– И?

– Эм.

– Ты слишком умный для «Эм». Работай усерднее. Ты же держишься подальше от неприятностей?

– Ага. А ты?

Я взглянул на него, приподняв брови.

– Всегда.

Он засмеялся.

– Ага, точно. Кто твоя новая девушка на этой неделе?

– У меня ее нет.

– Чушь. Ты король секс-встреч.

– Твоя мама знает, что ты так говоришь?

– Нет.

– Ну как же?

Он пожал плечами:

– Ей все равно.

Судя по тому, что я знал об Иоланде Ходжс, ей было совсем не все равно. Еще ей было не безразлично, какой пример я подаю ее сыну. Но однажды вечером я позволил ему поиграть с моим телефоном, и он увидел сообщения не по возрасту от одной из девушек, с которой я иногда проводил ночи. Чтобы снять напряжение.

Естественно, Бенни задал тысячу вопросов. Тогда я не стал ему врать и сейчас не собирался.

– Послушай, – сказал я, пытаюсь произнести умные слова. Моя челюсть работала словно на ржавых петлях. – Ты должен хорошо обращаться со всеми девушками. Что бы то ни было. Когда бы то ни было.

– Хорошо.

– Я не шучу. Девушки, которых я...

– Трахаешь? Чпокаешь? Занимаешься сексом с которыми?

Я взглянул на него. Он широко улыбнулся мне.

– Да ладно, – ответил я. – Эти девушки. Мы понимаем друг друга. Это нормально, что я не держусь рядом, и не вожу их на свидания, и не звоню им все время. Они не мои девушки и не ждут этого. Иногда девушкам нравится...

– Трахаться? Чпокаться? Заниматься сексом?

Я засмеялся.

– Да. Именно так. В этом нет ничего плохого, пока все довольны, понятно?

Бенни внимательно посмотрел на меня, нахмурившись.

– Почему ты устраиваешь мне эти внеклассные занятия?

– Это важно.

Он подумал об этом, а потом пожал плечами.

– Ладно.

Мы ели торт, когда солнце прорвалось через серость и засияло на поверхности ржавого пикапа. Бенни стал напевать «Feeling good».

– С каких пор ты слушаешь Нину Симон? – спросил я.

Он моргнул.

– Кого?

– Певицу, чью песню ты поешь.

– Не знаю никакой Нины. Я услышал ее в видео Jay-Z.

– Думаю, сойдет и так.

– Сегодня вечером твой последний спектакль? – спросил он.

– Последний Эдип, да.

– Тебе грустно из-за этого?

– Не очень, – ответил я.

По какой-то причине ко мне вернулись воспоминания об Уиллоу Холлоуэй, стоящей около театра с программкой в руке.

Я взглянул на Бенни, его щеку, испачканную глазурью, и улыбнулся.

– Это был хороший день рождения.

Глава седьмая Уиллоу

Утром в понедельник на уроке английского я села за единственную свободную парту – на последнем ряду возле Айзека Пирса. Он уже сидел на своем месте, которое я заняла на прошлой неделе, – откинувшись, скрестив руки и раскинув ноги. Он смотрел прямо перед собой, когда я прошла по проходу, и я постаралась лишь мельком взглянуть на него. Кожаная куртка, джинсы, ботинки. Жесткие, угловатые черты его лица уже не казались божественными, как под сценическим светом, но оставались такими же поразительно красивыми.

Я уселась за парту рядом с ним и засунула рюкзак под ноги. Неземная игра Айзека все выходные не отпускала меня. Казалось странным сесть рядом с ним на чем-то таком обычном, как урок английского, хотя я начинала понимать, почему Айзек хранил слова для сцены – он сидел на стуле так, словно тот едва мог удержать его.

«Он слишком велик для этого городка».

Я бросила на него взгляд и увидела, что и он исподтишка смотрит на меня. Сердце подпрыгнуло в груди. Мы оба отвернулись. Я сидела идеально неподвижно, пока электрическое покалывание не сошло на нет.

«Черт побери».

– Привет, – прошептал чей-то голос слева от меня.

Я повернула голову и увидела Энджи, склонившуюся над спинкой стула и уставившуюся на меня. В ее карих глазах плясало веселое изумление. На ее толстовке был нарисован графический носорог и надпись «Пухленьким единорогам тоже нужна любовь».

– Мы встречались? – спросила она. – Ты кажешься знакомой? Мы тусили в прошлую пятницу вместе или я себе это придумала?

– О, привет, – ответила я, одаряя ее улыбкой. – Как дела?

Она взглянула на мистера Полсона, который все еще разбирался с грудой бумаги на столе, а потом показала мне наклониться поближе. Мы склонились друг к другу, перешептываясь, прямо как раньше с Мирандой и девочками в Нью-Йорке. Прежде чем «Х» вычеркнул их из моей жизни.

Энджи кивнула на Айзека позади меня.

– словно сидишь с Китом Хэрингтоном, да? Или Брэдом Питтом времен «Легенды осени».

Я подавила улыбку и пожала плечами.

– Думаю, я справлюсь.

– Уверена? Ты даже не помнила о моем существовании секунду назад, это разбивает мне сердце. – Ее глаза расширились, и она склонилась ближе ко мне. Ее шепот перешел в шипение. – Ты влюбилась в него? Я все говорю тебе, что это безнадежный вариант, но, может, и нет. Возможно, ты ему тоже нравишься. Тебе стоит сказать ему, что видела спектакль. Скажи, что плакала.

– Тс-с-с, – я хлопнула ее по руке, и по мне пробежал разряд жаркого смущения. – Я не плакала.

Энджи вскинула брови.

– Черт. Ты видела это?

– Не волнуйся, – заметила она. – Он на всех так действует. – Она кивнула на Дуга Кили на другом конце класса. – Иногда качки бьют себя в грудь и швыряются грубостями в его адрес, но Айзек быстро их затыкает. Словно прыгающий лев. Или ягуар? – она постучала ногтем о передние зубы. – Кто самый сексуальный в семействе больших кошек?

– Пантера, – прошептала я, а затем закатила глаза. И все же было приятно сплетничать о парне с подругой. Нормально.

«Вот только парень, о котором мы говорим, в действительности мужчина, и сидит прямо рядом со мной».

– Пантера, да, – согласилась Энджи, чересчур громко. – В любом случае, о чем я говорила?

– Качки льют дерьмо на Айзека? – прошептала я.

– Эм. Это великолепное зрелище. Я не фанат жестокости, но наблюдать за ним, делаящим что *угодно*, сексуально. Он такой... возбуждающий. – Она одарила меня похотливым взглядом. – Заставляет задуматься, каков он в постели. Понимаешь?

Легкое возбуждение пробежало по спине, прежде чем превратиться в нечто уродливое и тяжелое в груди. Легкие напряглись, дыхание стало отрывистым. Мысль о том, чтобы находиться в постели с красивым мужчиной вроде Айзека – или любым мужчиной вообще – была приятной болью желания, которое гнило под черной «Х». Меня сразу накрыла грусть, ведь такой безобидный комментарий и естественная часть человеческой природы стали настолько грязны для меня. Я уселась обратно, подальше от теплой энергии Энджи.

Разговоры о мальчиках были, очевидно, еще одним пунктом в списке, который Ксавьер вычеркнул из моей жизни.

Энджи неправильно поняла мою реакцию, и ее дружеская улыбка погасла.

– Ой, не пойми меня неправильно. Я на сто процентов девушка Нэша...

– Нет, я не... – промямлила я. – Знаю, что ты с Нэшем. Я просто...

– Доброе утро, класс, – сказал мистер Полсон, подходя к доске.

Я с облегчением перевела внимание на него, хотя я все еще чувствовала на себе растерянный взгляд Энджи, сидящей слева. Справа от меня Айзек смотрел прямо перед собой. Лицо застыло, словно камень. И я сразу же поняла, что он слышал каждое слово из моего с Энджи разговора. Меня накрыла волна смущения, и я постаралась не обращать на нее внимания. Скорее всего, он привык, что девушки шепчутся о нем, и в любом случае я была слишком молода для того, чтобы он удостоил меня вниманием.

– Несколько объявлений, – сказал мистер Полсон. – На следующей неделе в продажу поступают билеты на весенний бал. Танцы будут проходить в спортивном зале в марте... – он уставился на бумагу в руке. – Пятнадцатого марта. Еще если кто-то из вас читал «Трибуну

Хармони», а не Twitter, вы знаете, что Общественный театр Хармони объявил своим следующим спектаклем шекспировского «Гамлета».

Словно существовал другой «Гамлет». И сразу же все взгляды устремились к Айзеку, который даже не шевельнулся под внезапным пристальным вниманием.

– Знаю, многие из вас видели невероятное выступление мистера Пирса в роли Эдипа, – сказал мистер Полсон, сияя, как гордый отец. Он показал на себя большим пальцем. – Этот любитель классики видел его дважды. Bravo, Айзек. Я уверен, что говорю от лица многих, утверждая, что мы ждем не дождемся твоего выступления в самой знаменитой пьесе Барда.

Айзек не ответил, но слегка кивнул. Я нахмурилась, гадая, надо ли Айзеку вообще проходить прослушивание на роли. Потом я вспомнила, как он падал на колени в агонии, а фальшивая кровь текла по его щекам.

Скорее всего, нет.

– Поэтому, – продолжил мистер Полсон, – ОТХ проводит открытое прослушивание в следующую среду, в семь часов вечера, в здании театра.

Я вскинула голову. Краем глаза я заметила, что Айзек повернул голову в мою сторону в ответ на мое движение. Мы встретились взглядами, и снова, прежде чем он отвернулся, я ощутила этот электрический разряд, в этот раз смешанный с любопытством.

– Я оставляю информацию на доске объявлений для любых полных энтузиазма актеров, которые хотели бы попробоваться на роль, – сказал мистер Полсон. – Я поставлю дополнительные баллы в конце нашего курса «Поэзии и драмы» тем, кто получит хоть какую-то роль. И волонтерам, которые помогут с постановкой.

Эти новости не заставили всех кинуться к доске объявлений, и Полсон начал урок о символизме в «Преступлении и наказании». Я смотрела сквозь доску, а в голове была масса мыслей о предоставляющихся возможностях.

«Открытое прослушивание».

Глубоко внутри огонек, потянувшийся к сцене вечером в пятницу, мечтающий научиться делать то, что умеет Айзек, снова вспыхнул. Мгновение он горел ярко и уверенно, а потом снова погас. Что вообще я знала об актерской игре? В последний раз я стояла на сцене, когда великолепно изображала Обезьяну № 3 в детсадовской постановке Мисс Меллон «Встречайте Животных, живущих в джунглях!»

«Плохая идея», – подумала я. Это настоящий театр с настоящими актерами. И это Шекспир. Люди годами учатся, чтобы играть в пьесах Шекспира.

Когда прозвенел звонок, я помедлила у доски объявлений мистера Полсона, достаточно долго, чтобы запомнить интернет-адрес ОТХ. Однако орлиные глаза Энджи это заметили. Выходя из класса, она взяла меня под руку с фамильярностью, от которой мне хотелось одновременно прижаться поближе и отстраниться.

– Ну вот, мисс Холлоуэй, – сказала она. – Я и понятия не имела, что вы фанатка старика Уилла Шекспира.

– Я не фанатка, – ответила я. – Мне просто... любопытно. И папа надоедает мне, повторяя о необходимости внешкольных занятий.

– Ух. Или мысль о том, чтобы побольше времени проводить с Айзеком Пирсом, является скрытой мотивацией?

– Я не заинтересована в Айзеке, – ответила я.

Я вытащила руку из ее хватки чересчур резко, и моя нога в ботинке на низком каблуке подвернулась. Было не больно, но я врезалась в кого-то. Высокого, твердого, как кирпичная стена, одетого в черную кожаную куртку. Сильная рука метнулась вперед, чтобы удержать меня, и, подняв голову, я увидела над собой лицо Айзека Пирса.

«Ну, конечно».

– Привет, – сказала я.

– Привет, – ответил он.

«Он говорит...»

Мы стояли близко, слишком близко друг к другу. Почти как танцующая пара. Я чувствовала запах мыла, нотки мяты, кожу куртки и слабый запах сигарет. Он казался невозможно привлекательным. Я быстро пробежалась глазами по его лицу, словно боялась что-нибудь упустить. Когда мой взгляд встретился с его зелеными глазами, по мне снова словно пробежал разряд электричества. Я отступила назад.

– Ага, так... прости... что врезалась в тебя.

«О боже, соберись. Он не бесценная статуя».

Я чувствовала, как угорает Энджи позади меня, и мои щеки вспыхнули.

Серо-зеленые глаза Айзека смягчились. На долю секунды я подумала, что он что-нибудь скажет. Но его лицо снова стало суровым, и он пошел прочь.

– Ладно, – сказала я ему в спину. – Было приятно поболтать с тобой.

Я повернулась и увидела, что Энджи выжидающе смотрит на меня, приподняв брови.

– Что?

– Ты коснулась его. Он коснулся тебя. Твоя жизнь изменилась навсегда?

Мне пришлось рассмеяться, и все мое раздражение исчезло.

– Ты заноза в заднице, ты это знаешь?

Она широко улыбнулась.

– Мне такое говорили.

Мы остановились у моего шкафчика, и Энджи облокотилась о соседний, пока я меняла тетради по английскому на тетради по экономике. Через один блок шкафчиков Айзек набирал комбинацию на замочке. Я не отводила взгляда от своих вещей, пытаясь игнорировать желание взглянуть на него.

«Ну, ладно, он прекрасен. Я должна хотеть смотреть на него. Это нормально».

– Итак, – Энджи растянула слово на чудовищное количество секунд. – Я собираюсь сказать это еще раз, а потом оставлю тебя в покое, обещаю, – она похлопала ресницами и надула губки, как выпрашивающий что-то щеночек. – Ежегодный альбом?

Было бы так легко сказать «да». Ежегодный альбом – это нечто безопасное. То, что можно делать в качестве дополнительных заданий. Записывать жизни других ребят – похоже на научный эксперимент «Как выглядит кто-то нормальный». Но воспоминание об игре Айзека той ночью – тот катарсис эмоций – манило меня. «Гамлет» казался первым шагом вперед, который мне нужно было сделать, чтобы выбраться из-под черной «Х» Ксавьера. Или, по крайней мере, постараться.

Я захлопнула шкафчик и взглянула на Энджи, а потом вздохнула.

– Знаю, ты мне не поверишь, что это не из-за Айзека, но я хочу пойти на прослушивание по «Гамлету».

«Ну вот. Сказала. Дороги назад нет».

– Да? – Энджи поджала губы. – Ты раньше-то играла на сцене?

– Никогда, – ответила я. – Глупо, да? Я не получу роль. Не знаю, о чем думаю.

– Нужно мыслить позитивно, Холлоуэй, – сказала Энджи, а затем смягчилась. – Правда, если ты этого хочешь, тогда давай. Я помогу.

– Поможешь?

– Ага, – она закатила глаза, – то есть честно, из тебя получится шикарная Офелия.

– Офелия, – произнесла я, перекачивая имя на языке, словно сладкую конфету, и порылась в памяти в поисках того, что знала о Гамлете. Я почти ничего не помнила. – Разве это не она сошла с ума и убила себя?

– Именно. Большая, сочная роль. Значимая. Моя королева, Кейт Уинслет, играла ее. И Джулия Стайлс. Хелена Бонэм-Картер...

– Правда? – спросила я, и мои надежды воспряли, чтобы затем снова рухнуть. – Если это важная роль, они не отдадут ее новичку вроде меня.

Энджи фыркнула.

– Режиссер, Форд, верит таланту, а не опыту. Почему еще, как ты думаешь, Эдип полон продавцов продуктовых и парикмахеров, а не выпускников вузов? Тебе нужен сногшибательный монолог для прослушивания. – Она театрально ткнула пальцем в коридор. – Отправляйся в библиотеку.

– Эм, что? – засмеялась я, испытывая благодарность к этой странной доброй девчонке за то, что пыталась влезть в мою жизнь.

– Отправляйся в библиотеку, – сказала Энджи. – Понимаешь? Типа «отправляйся в монастырь». Из «Гамлета».

– О. Точно.

Она взглянула на меня, сузив глаза, а затем стала отсчитывать предметы по пальцам.

– Ты раньше никогда не играла. Ты не знаешь пьесу. Ты сомневаешься, что получишь роль. И ты не пытаешься тусить с Айзеком Пирсом каждый вечер в течение следующих двух месяцев, – она вскинула обе руки. – Милая, ради чего, черт побери, ты проходишь прослушивание?

Я пожала плечами, не глядя на нее.

– Мне нужно что-то делать.

– Немного поздно вступать игру по приему в колледж.

– Дело не в том, что...

– Тогда в чем? – мягкое выражение лица Энджи сменилось беспокойством. Она положила ладонь на мою руку. – Эй, я здесь, с тобой.

Последнее заявление почти что вырвало правду из меня. Слезы грозили пролиться, но прежде, чем я заговорила, огромный парень с короткими светлыми волосами, в синей ветровке Джорджа Мэйсона, вместе с несколькими приятелями прошел мимо нас. Он остановился, увидев меня, и пробежался по мне бледно-голубыми глазами.

– Привет, принцесса. Ты новенькая, да? Видел тебя тут. И мне нравится, что я вижу.

Нормальная девушка закатила бы глаза на такие тривиальные и глупые заявления. Или сказала бы ему отвалить. Или, возможно, ей бы это польстило, особенно если этот парень был ее типом качков. Но у меня в груди все напряглось, и воздух словно стал тоньше, его было сложнее вдохнуть, когда парень навис надо мной.

Энджи наклонилась ближе ко мне.

– Уиллоу, познакомься с Тедом Бауэрсом. Стероидный капитан команды по борьбе.

Тед поморщился от гнева.

– Заткнись, Энджи, задрот. – Он опять повернулся ко мне, и на его лице снова появилась дружелюбная улыбка. Он сделал шаг ближе ко мне. – Нам нужно как-нибудь потусить вместе. Я тут все тебе покажу.

Я почувствовала, как кивнула, в то время как каждая моя частичка отшатнулась от его очевидных намерений. Я онемела и едва могла вздохнуть. Я умоляла всех богов, что слышали меня, не позволить панической атаке захлестнуть меня прямо посреди коридора.

– Ты боишься меня, принцесса? – спросил Тед, глянув назад на друзей, чтобы посмеяться. – Я не кусаюсь. Только если ты сама этого не захочешь.

Мое горло стало сжиматься, перед глазами затанцевали огоньки. Словно издалека я слышала, как Энджи говорит Теду заткнуться, а потом появился Айзек Пирс.

Он встал между мной и Тедом подобно щиту, возвышаясь над борцом. Исходящий от него запах дыма и мыла, словно нюхательные соли, привел меня в чувства. Я сделала глубокий вдох, и головокружение слегка отступило.

– О, гляньте-ка, это Эдип, – сказал Тед. – Ну что, трахнул свою мать? Понял? Трахнул... мать?

– Отличная шутка, Тед, – сказала Энджи. – Очень оригинально.

Он проигнорировал ее, не отрывая взгляда от Айзека.

– Отойди от маленькой принцессы, Пирс. Она слишком юна для тебя.

Айзек склонил голову набок. Тед на добрых десять килограммов был тяжелее его, но внезапно мне стало страшно за этого придурка. От Айзека веяло опасностью, отчего у меня на руках волоски встали дыбом.

– Ну? – спросил Тед. – Можешь что-нибудь сказать, мудак? – Теперь его понесло. Тед пихнул одного из друзей, который не казался таким уверенным. – Эй, как ты можешь все еще быть в старшей школе? Тебе разве типа не тридцать уже? Или тебя освободили из-под стражи на время общественных работ?

Стоя так близко к Айзеку, я ощущала напряжение, исходящее от него. Так пантера готовится к прыжку. Пальцы Энджи впились в кожу на моей руке. Маленькая толпа зрителей затаила дыхание. Наблюдая.

Тед еще не закончил. Его смех стал мрачным и уродливым.

– Уже давно не видел твоего старика, Пирс. Где ты закопал его тело? Рядом с мамой?

«Покойся с миром, Тед Бауэрс», – подумала я.

Айзек вытянулся в полный рост, но Тед ударил первым, врезав обеими руками в грудь Айзека, чтобы оттолкнуть его.

В то же самое время дверь класса дальше по коридору распахнулась, а Айзек вспышкой черной кожи врезал правым кулаком прямо в лицо Теда. По коридору разнесся треск костяшек, врезавшихся в кость, а затем последовал крик. Тед отпрянул назад. Из его носа потекла кровь.

Толпа взорвалась охами, смехом и бормотанием.

– Что все это значит? – Мистер Тайлер, учитель биологии, ступил в коридор и протолкнулся через все увеличивающуюся толпу. – Сейчас же разойдитесь, приятели. – Он взглянул на окровавленный нос Теда и резко повернулся к Айзеку: – Стой, Пирс. В кабинет директора. Сейчас же.

Айзек не шевельнулся, а спокойно ждал, когда Тед оправится. Скорее всего, чтобы дать сдачи. Айзек уже даже не сжимал кулаки, но казалось, словно был готов ударить.

– Ты покойник, Пирс, – сказал Тед, сбрасывая руки друзей, желающих помочь. – Мне надоел весь этот бред, что ты тут ходишь, словно хозяин этого чертового места.

– Хватит, мистер Бауэрс, – сказал мистер Тайлер, разведя руки в стороны между двумя парнями. – Айзек. Иди.

Айзек медленно, с хрустом повернул шею, не оставив сомнений насчет того, кто действительно владел коридорами Джорджа Мэйсона. Девушки пристально смотрели на Айзека, пока он надевал рюкзак. Он взглянул на меня в последний раз, прежде чем повернуться и направиться в кабинет директора.

– Наслаждайся отстранением от занятий, придурок, – крикнул ему вслед Тед, напрасно пытаясь вернуть главенство.

Толпа разошлась, и стало ясно, что все шепотки и бормотания совсем не о Теде, проявившем храбрость, бросившем вызов Айзеку. Тед тоже это осознал и, вырвавшись из хватки друзей, вытер окровавленный нос о рукав и ушел прочь по коридору.

– И вот почему, леди и джентльмены, – сказал Энджи, – не стоит связываться с Айзеком Пирсом.

Я повернулась к ней.

– Его отстранят от занятий?

Она пожала плечами.

– Это будет не в первый раз. Хотя я никогда раньше не видела, чтобы он защищал честь какой-нибудь девушки. Это что-то новенькое.

Энджи увидела, что я все еще смотрю вслед Айзеку.

– Эй, типа честно, девочка. Тебе он нравится? Потому что... – она замолкла и покачала головой.

– Меня он не интересует в этом смысле, – сказала я. – И даже если бы я...

– Да?

– Ничего.

– Уверена? – на ее лице появилось беспокойство. – Ты хочешь о чем-то поговорить? Мне все кажется, что...

Я прикусила щеку.

– Нет. Ничего такого.

Ничего, о чем я бы могла ей рассказать собственным голосом и словами. Шансы, что я получу роль в «Гамлете», а уж тем более роль Офелии, были слишком малы. Но мне нужно превратить ничто во *что-то*, прежде чем я погасну навсегда.

Глава восьмая

Айзек

– Ну, Айзек? – мистер Диллингз, директор, откинулся на стуле, барабанил пальцами по груди. – Как учитель я не имею привычки поощрять учеников пропускать последний год и получать диплом об общеобразовательной подготовке... но разве мы это уже не проходили?

Я встретился с ним взглядами, не моргая. Мы не впервые вели этот разговор. Когда мне исполнилось восемнадцать, в середине одиннадцатого класса, я ввязался в драки на кулаках с тремя членами команды Теда Бауэрс. Тогда Диллингз предложил получить диплом об общеобразовательной подготовке. Я бы мог получить полноценную работу, чтобы помочь батюшке оплатить счета. А унижение от того, что я остался на второй год, исчезло бы вместе со мной.

Но такой диплом не то же самое, что закончить школу. Он кричал об исключении. И, в любом случае, я хотел получить образование. Смерть мамы выкинула меня из потока жизни, оставив плавать и хватать ртом воздух подобно рыбе на суше. Я забрался обратно, надеясь вернуть маленькие кусочки нормальной жизни. Вместо этого все накапливалось: бедность, отец-алкоголик и задержка на год в школе, пока актерское мастерство не стало единственным, что защищало меня. Игра на сцене помогала изгнать демонов, кричащих в моем сердце. Роль преступника в школе не давала им порвать меня на куски.

Мама хотела, чтобы я закончил школу.

«Оставайся в школе, мальши, – повторяла она снова и снова. – Этот мир постарается что-то у тебя забрать, но он никогда не сможет забрать твой разум и то, чем ты его наполнишь».

Я хотел бросить школу тысячу раз, но ее слова заставляли меня продолжать. И я хотел послужить хорошим примером Бенни. Какой бы он вывод сделал, если бы я не закончил школу?

– Сейчас не время, не так ли? – сказал мистер Диллингз. – До выпуска осталось всего шесть месяцев. Ты все еще можешь ходить с двенадцатиклассниками, если это важно... – он замолк, позволив правде повиснуть между нами: ты нам больше не нужен.

– Ага, – сказал я, поднимаясь. – С меня хватит.

Диллингз вздохнул с облегчением и поднялся вместе со мной. Он разгладил пиджак дешевого костюма. – Думаю, так будет лучше. Ты умный молодой человек с большим талантом. Я не сомневаюсь...

Я вышел и закрыл дверь, не услышав, что за жизненно важный совет он хотел мне дать.

Коридоры были пусты. Никто не видел, как я вышел из «Джордж Мэйсон Хай», оставив все вещи в шкафчике, и направился через парковку к моему Dodge. Я завел двигатель, но не двинулся с места, не зная, в каком направлении ехать, какую дорогу выбрать.

Батя ожидал, что я буду работать на нашем умирающем предприятии, но оно не приносило денег. Я сомневался, что Мартин мог позволить себе платить полную зарплату работнику театра. Возможно, я мог бы работать в автомастерской в Брэкстоне, неплохо зарабатывать, чтобы увеличить мои жалкие накопления...

Я бросил взгляд назад, на Джорджа Мэйсона.

– Так что, черт возьми, такого? – сказал я, словно, произнесенные вслух, эти слова могли укорениться в моем сердце. – В школе нет ничего такого, что было бы мне небезразлично.

Уиллоу Холлоуэй...

Конечно, такая красивая девушка появляется за три дня до того, как меня выкидывают. Я не знал ее, и она не знала меня, но она стала первым ярким огоньком в этом дерьмовом мире вне сцены. У нас ничего никогда бы не получилось, но я начал ждать урока английского рядом с ней. Чтобы почувствовать сладость ее духов и посмотреть, как волосы мягко падают на ее плечи. Мой взгляд повсюду следовал за ней, и я сразу же заметил, как Тед и его приятели испугали ее до чертиков.

Чертов Тед Бауэрс. Он смотрел на Уиллоу так, словно она еда, которую он собирается проглотить. Должен проглотить. Я хотел стереть эту наглую улыбку с его лица, но держался, пока Тед не сделал замечание о моей матери, и тогда я потерял контроль.

Я зажег сигарету, разминая саднящие костяшки. Я ужасно себя чувствовал из-за того, что меня выкинули из школы. Но я ударил Теда Бауэrsa за свою мать и Уиллоу Холлоуэй, и поэтому это можно вынести.

Я нажал на педаль и выехал с парковки.

Вернувшись к трейлеру, я припарковался во дворе, но не вышел. От мысли о том, чтобы зайти внутрь и встретиться с батей, я испытывал усталость. Он доставал меня, говоря, что нужно бросить школу и больше работать, но исключение из школы даст ему лишь повод выплеснуть свой бездонный колодец ярости.

Вместо того чтобы пойти в трейлер, я направился по грязному снегу и слякоти к восточной части свалки. Остановившись у фуры, я похлопал свежей пачкой сигарет о ладонь. Меня остановил тихий голос. Было девять утра, но Бенни находился под перевернутым грузовиком, напевая себе под нос рэп.

Я убрал сигареты и свистнул. Бенни выглянул из-под грузовика и вытащил наушники. Его глаза расширились.

– Йо, Айзек. Что ты тут делаешь?

– Мог бы задать тебе тот же вопрос, – я наградил его строгим взглядом. – Почему ты не в школе?

Он уставился на меня.

– А ты?

Я засунул замерзающие пальцы в карманы куртки.

– С меня хватит. Я получу диплом об общеобразовательной подготовке.

Бенни вылез из-под грузовика.

– Ты бросаешь школу?

– Мне девятнадцать, – сказал я. – Я взрослый. Это правильное решение. А вот ты прогуливаешь, и из-за тебя мама может попасть в неприятности, из-за твоих прогулов.

Он поморщился, но я увидел его виноватый взгляд.

– Я не хотел идти туда, – он потянул за край куртки, подаренной мной. – Когда нет денег, тебя будут доставать из-за новых вещичек так же сильно, как из-за старых.

– А. Ты часто так поступаешь?

– Нет.

– Правда?

– Правда, – ответил он, и я ему поверил. В этом были все мы: я, тринадцатилетний пацан и наша странная дружба. Мы были честны друг с другом несмотря ни на что.

Я сел на шину фуры. Бенни сел рядом со мной.

– Так что случилось? – спросил он.

– Я несильно ударил его кулаком.

Темные глаза Бенни так расширились, что стали видны белки.

– Ты это сделал? Кого? Почему?

– Один идиот надоедал новенькой.

– Ооо, девушка? – он пихнул меня.

– Ага. В школе ДМ есть девушки.

– Кто она? Как ее зовут?

– Неважно. Скорее всего, я ее больше не увижу. Или, может быть, я... – я замолк, вспомнив, как Уиллоу выпрямилась при объявлении о прослушиваниях по «Гамлету», словно кто-то назвал ее имя.

– Хочешь увидеть ее, – сказал Бенни, широко улыбаясь. – Оооочень хочешь. Она тебе нравится.

Я толкнул его локтем.

– Как, черт возьми, ты понял?

– Тебя выкинули из школы из-за нее, это во-первых, – ответил он. – А во-вторых, выражение твоего лица стало таким мягким и сентиментальным.

– Неправда, – заметил я.

– Как ее зовут?

– Уиллоу.

Он сморщил нос.

– Самое белое имя белой девушки, которое я слышал.

Я засмеялся.

– Она еще и супербогатая. И юная.

«И совершенно вне досягаемости».

Моя улыбка померкла.

– Какого черта я обсуждаю ее с тобой? Тебе нужно тащить свою задницу в школу. И делать это завтра и послезавтра. Я буду рядом, чтобы проверить.

Бенни закатил глаза.

– Ладно, ладно.

Наступила тишина.

– Будешь скучать по школе? – спросил он.

– Нет, – я искоса взглянул на него. – Да. Немного.

– Правда?

Я кивнул. Рука дернулась к пачке. Бенни знал, что я курил, но я держал сигареты подальше от него.

– По чему именно? – спросил он. – Потому что я не знаю, по чему мог бы скучать.

– Ты будешь скучать по разным занятиям. Клубам после школы или спорту с друзьями. Танцам.

– Наверное, да, – согласился Бенни.

– Я не стану весь день бездельничать. Теперь мне нужно работать, – я потянул за его рукав. – А тебе нужно пойти в школу. Прямо сейчас. Я отвезу тебя.

– Ни за что. Они позвонят маме на работу. У меня нет записки.

– Я напишу тебе ее, – я встал. – Давай. Здесь холодно.

Он вздохнул и театрально поднялся с шины.

– Эй, твой отец разозлится из-за того, что ты бросил школу?

– Скорее всего.

– Он побьет тебя?

– Возможно.

– Айзек, – Бенни остановился и со страхом взглянул на меня. – Ты скоро уедешь из Хармони.

Честность. На сцене и с Бенни. Я держался за эти талисманы.

– Да, – ответил я. – Уеду.

Бенни тяжело сглотнул, провел рукой по глазам, а затем кивнул.

– Хорошо.

Глава девятая Уиллоу

Тем же днем Энджи помогла мне просмотреть пьесы и книги в поисках монолога для прослушиваний. Пока она искала, я пролистнула «Гамлета», просматривая сцены с Офелией. Слова были английские, но мне понадобился переводчик. Что, черт возьми, хотел сказать Шекспир? Я не могла понять строки Офелии.

– Сосредоточься, – сказала Энджи, забирая у меня пьесу. – Ты не можешь идти на прослушивание по «Гамлету» со строками из «Гамлета». Это неправильно. Найди другой монолог Шекспира, чтобы показать, что справишься с ним.

– Я вообще не могу с ним справиться, – ответила я. – Я понятия не имею, что делаю или о чем вообще эта пьеса.

Энджи заговорила с деланным испанским акцентом.

– Позволь объяснить. Нет, слишком долго. Я подытожу: Гамлет – принц Дании. Его папа, король, умер, и хотя прошло всего два месяца, его мама вышла замуж за его брата Клавдия. Теперь Клавдий король. Гамлет считает, что это неправильно.

– Очень по-шекспировски.

– Однажды ночью трое стражников видят призрака и рассказывают об этом Гамлету. Гам тоже его видит. Это его отец. Он говорит, что Клавдий вылил яд в его ухо и убил его. Гамлет поражен. Но подожди, он встречался с Офелией, дочерью Полония. Полоний – правая рука Клавдия. Полоний говорит Офелии, что Гамлет слетел с катушек и ей нужно с ним порвать.

– Офелия и Гамлет влюблены, но типа тут же чертов патриархат, да? Она поддается давлению и соглашается порвать с ним. Гам раздавлен и толкает речь, что все женщины суки, предательницы, а Офелии стоит отправиться в монастырь и никогда не иметь потомства. Потом Гамлет бросает вызов матери, пока Полоний подслушивает и... упс! – Гамлет убивает Полония.

– Офелия, потеряв своего мужчину и отца, теряет рассудок. Она сходит с ума, поет несколько грязных песенок про секс и топится в реке. Потом происходит еще куча дерьма, пока практически все актеры не умирают. Занавес, – Энджи вздыхает, сверкая улыбкой. – Все поняла?

Мгновение я смотрела на нее, а потом начала медленно хлопать.

– Энджи, я даже не могу...

– Знаю, – ответила она, смеясь. – Я сама себя поражаю иногда.

Даже с заметками Spark Notes Шекспир все равно был словно написан на другом языке. Я точно провалюсь по полной, если пойду на прослушивание с одним из этих монологов.

Я готова уже была в миллионный раз бросить все это предприятие, когда прочитала синопсис пьесы под названием «Растеряша». Главной героиней была Роузи, застенчивая молодая женщина, затворница, и Клифф, одинокий водитель грузовика, которого однажды вечером она приводит домой.

Слезы жгли мои глаза, когда я читала кульминационный монолог Роуз, воспоминание о ночи в зоопарке. Она ходила туда, чтобы взглянуть на элегантных журавлей, стоящих в спокойной темной воде. Группа шумных хулиганов пришла однажды ночью в зоопарк, включив громкую музыку. Они кидали в птиц камнями, ломая им ноги и убивая их, пока Роуз кричала и кричала...

Я перечитала монолог. Потом еще раз, мое сердце ныло.

Я нашла монолог для прослушивания.

* * *

За ужином раздавался звон серебряных столовых приборов. Папа держал вилку в одной руке, а телефон в другой. Мама ковырялась в суфле, а потом поменяла вилку на бутылку вина и налила себе третий бокал. Я съела больше, чем обычно. Я не могла вспомнить, когда в последний раз чувствовала себя такой голодной, и не только до еды. Я с нетерпением ждала наступающих событий. Мне было чего ждать, пусть даже я выставлю себя дурачком перед режиссером ОТХ.

«Но я попытаюсь. А это уже что-то».

Я слегка улыбнулась, думая, что бабушка была бы довольна. Впервые с отметки «Х» я не сидела в кубе льда, просто пытаюсь пережить ужин, чтобы сделать слабую попытку выполнить домашнее задание, а потом свернуться клубком на полу комнаты, завернувшись в плед, и надеяться выспаться.

– Я решила, какой внеклассной деятельностью буду заниматься.

Было забавно наблюдать, как родители вскинули головы одновременно.

– Правда? – папа медленно прожевал еду и сглотнул. – Это радует.

– Поздновато, – пробормотала мама. – Сроки подачи документов в лучшие колледжи пропущены. Лучшее, куда она может поступить, это в местный колледж, боже упаси, и постараться подать заявку весной.

– Что такого ужасного в местном колледже? – спросила я. – К тому же я не уверена, что хочу в колледж.

Мама казалась пораженной.

– Конечно же, тебе нужно идти в колледж. Почему ты не хочешь в колледж?

– Реджина, – предупреждая сказал папа и взглянул на меня. – Мы можем попозже поговорить о колледже. Сначала расскажи нам, чем ты решила заниматься. Дебатами? Ты всегда была в этом хороша.

– Я собираюсь пройти прослушивание для пьесы в ОТХ.

Папа пристально посмотрел на меня, его желваки двигались так, словно он много чего хотел сказать по этому поводу, хотя я не могла представить, что именно.

Мама фыркнула, словно почувствовала какой-то неприятный запах.

– Актерское мастерство?

– Да.

Отец медленно прожевал зеленые бобы в миндальной панировке, потом вытер рот салфеткой.

– Хм. Это не совсем... академическое занятие.

– Но этим я хочу заниматься, – ответила я.

– Почему? – спросила мама так, словно я хотела присоединиться к цирку.

– Я только что сказала почему, – заметила я. – В качестве внеклассного занятия.

Папа строго посмотрел на меня.

– Это же не из-за того мальчика, да?

Я замерла.

«Он знает. Он знает об «Х». И вечеринке. И о том, что произошло».

Мама переводила взгляд с него на меня.

– Какого мальчика? Кто?..

Папа опустил салфетку. Казалось, мое молчание подтвердило то, что он собирался проинести.

– У одного парня в офисе дочка учится в Джордже Мэйсоне. Когда он узнал, что и у меня тоже, то много рассказал о мальчике по имени Айзек Пирс.

Вздых облегчения снял напряжение с моих застывших конечностей, и я на мгновение обмякла на стуле. А потом во мне вспыхнуло негодование и я сжала салфетку под столом. Отец, которому было сложно вспомнить хоть одного из моих друзей в Нью-Йорке, заметил Айзека Пирса. Зачем он вмешивается в мою жизнь теперь, когда слишком поздно? Какого черта никто в офисе не рассказал ему о Ксавьере Уилкинсоне?

– Кто такой Айзек Пирс? – требовательно спросила мама.

– Парень из школы, – ответила я. – Я едва его знаю...

– Гэри Вэнс, мой коллега, говорит, что Айзек двенадцатиклассник, но намного старше остальных ребят. Его оставили на второй год, и ходили слухи о проблемах с законом...

– Он остался на второй год, потому что его мама умерла и он целый год не разговаривал, – рявкнула я. – Ты так говоришь, словно он идиот или дегенерат. А он таким не является.

Папа поджал губы, затем кивнул самому себе, словно только что подтвердил свои худшие подозрения. – Гэри говорит, что этот парень живет с отцом-алкоголиком в трейлере на свалке, и хуже того: его отец – один из наших владельцев франшизы. Гэри говорит, что его заправка – позор.

Рука мамы подлетела к губам.

– Боже, Уиллоу.

– Что? – я уставилась на довольное лицо отца. – Теперь всех так судишь? Ну, не разбогател он на грязных нефтяных деньгах, ну и?

– Грязных, – фыркнула мама.

– Кто теперь судит?

– Откладывая деловые моменты в сторону, нужно сказать, что у парня определенная репутация, – заметил отец, словно являлся официальным историком семьи Пирс. – Он какой-то актер. Играет в пьесах Общественного театра Хармони.

Отец точно так же мог сказать: «Он отбывает срок в тюрьме».

Мама развернулась ко мне.

– Ты поэтому хочешь играть в театре? Чтобы таскаться за этим мальчиком?

– Ты думаешь сразу же об этом? – воскликнула я. – Знаешь что? Айзек Пирс не преступник. Он сегодня защитил меня от тупого качка, и пусть даже, пусть даже... – теперь я кричала, заметив их многозначительные взгляды. – Я не из-за него иду на прослушивание. Боже, проявите хоть немного уважения, а? Вы хотели, чтобы я чем-то занималась, так вот, я чем-то и занялась.

– Следи за языком, – сказал папа суровым голосом. – И давай не забывать, что ты и дня в жизни не играла в театре. И внезапно хочешь оказаться на сцене перед всем городом?

– Айзек Пирс тоже пойдет на прослушивание? – спросила мама, проговорив его имя как неприличное слово.

– Да, – ответила я, пытаюсь изо всех сил контролировать гнев. – Скорее всего, он получит главную роль, потому что он гениален. И, возвращаясь к теме, я, скорее всего, не получу роль. Потому что, цитирую, «я и дня в жизни не играла в театре». Так что просто забудьте о сказанном.

– Мы не хотим, чтобы ты общалась с такими мальчиками, – сказала мама, глухая ко всему, что бы я ни говорила. – Мы приехали сюда, чтобы ты могла начать все заново, но, конечно же, ты сразу же цепляешься к худшим элементам...

– О боже, – я закатила глаза. – Ты не слышишь, насколько смехотворно звучишь? Придурки бывают разных форм и размеров. В городе и сельской местности. Бедные и богатые, все равно.

«Особенно сыновья генеральных директоров».

– Я ни к кому не цепляюсь. Я пытаюсь...

«Найти себя в темноте».

Папа и мама обменялись взглядами, и она молча молила его поставить точку после всего этого. Папа сложил салфетку на столе своим фирменным жестом, словно говоря: «Я только что принял решение».

– Я не стану запрещать тебе проходить прослушивание, если ты этого хочешь. Но что бы ни случилось, – сказал он, – в театре или школе, твои отношения с этим Пирсом должны оставаться строго профессиональными. Он по закону взрослый. Тебе семнадцать лет. Ты знаешь, что это значит?

– Это ничего не значит, – слышу я свой ответ. – Боже, вы сплетники похуже детишек в школе.

Внутри я поежилась, представив, что произойдет, когда информатор папы расскажет ему об отстранении Айзека от занятий за то, что ударил Теда Бауэрс. Родители не были примерами морали для меня. Это одна из вещей, о которой я перестала беспокоиться после того, как «Х» закончил со мной. Но он мог все усложнить, если благодаря какому-то чуду я получу роль в «Гамлете».

Мой тон стал более безразличным.

– Не важно, – сказала я. – Я прохожу прослушивание, потому что хочу попробовать что-то новое. Это никак не связано ни с каким парнем.

– Понадеемся, – заметила мама. – Не то чтобы в этом городе было изобилие хороших семей.

– Ради бога, Реджина, – сказал папа. – Ты из окна выглядывала? Ты живешь на улице, полной таких же больших и красивых домов, как и наш.

– Есть нью-йоркские благополучные семьи, а есть сельские благополучные семьи, – ответила мама, поднося бокал вина к губам. – Есть разница, и ты знаешь об этом.

– Так у тебя предубеждения против всего штата Индиана, – заметила я. – А у папы против бедного парня, живущего в трейлере. Поздравляю, вы оба одинаково поверхностные. – Я встала, забирая тарелку. – И я потеряла аппетит.

Я никогда не говорила с родителями вот так. Никогда. Но я проигнорировала аханье мамы из-за моей грубости и крик отца, приказывающего мне сесть обратно. Я утопала на кухню и кинула посуду в раковину.

Потом мне стало плохо.

Я вздохнула. Если бы все было по-другому, я была бы такой же высокомерной и полной предубеждений к Индиане, как мама. Несомненно. Я манхэттенская девушка, родившаяся и

выросшая там. Старая я смотрела бы сверху вниз на учеников Джорджа Мэйсона и составила бы свое мнение о каждом из них, еще даже не ступив на порог школы.

«Х» изменил все. Нельзя смотреть сверху вниз на кого-то, когда твою самооценку втоптали в грязь, разбили на кусочки, а потом еще и помочились.

Мне нравился Хармони. Мне нравились Энджи и ее друзья. Мне нравился Айзек за то, что заступился за меня сегодня в школе, и за то, что показал мне новые возможности благодаря его игре в «Эдипе». После долгих месяцев замороженной апатии казалось, что положительные эмоции к чему-то или кому-то подобны хранению чего-то хрупкого. Мне нужно было защищать его, прежде чем оно выскользнет из рук и тоже разобьется.

Я прошла обратно в столовую.

– Простите, что так с вами говорила. Клянусь, я прохожу прослушивание не из-за какого-то парня, а потому, что хочу этого. Можно мне теперь пойти наверх делать домашку?

Родители уставились на меня.

– Домашку? – спросила мама. – Впервые мы услышали, как ты говоришь слово...

– Да, – сказал папа, обрывая ее. – Но еще одна такая сцена, и не будет никакой пьесы. Ясно?

– Ясно.

И мне и правда было ясно. Папа не имел никакой власти на работе под руководством Росса Уилкинсона, но в нашем доме он был боссом, правящим железной рукой, что раньше меня не беспокоило, потому что я всегда слушалась. Маленькая папина дочка.

Ксавьер вычеркнул и это.

Я поспешила наверх. За закрытой дверью я вытащила фотокопию монолога «Растеряши» из рюкзака. Я снова и снова прочитывала слова, теряясь в мире Роуз. Позволив ее словам стать моими.

Это было легко.

«Они что-то вкололи мне, чтобы я перестала кричать...»

Роуз кричала так, как я кричала внутри себя. Не переставая, весь день, каждый день, крики вырывались откуда-то из глубины. Крики, подобные рвоте. Кричала, пока этот звук не ломал мне кости. Собиралась с храбростью, чтобы взглянуть в зеркало и увидеть, что все еще цела. Я читала книги о людях, сходящих с ума. Как я все еще умудрялась идти вперед, переставляя ноги?

«Ты все еще горшишь», – прошептала бабушка.

Я схватила ноутбук, открыла его, вбила URL Общественного театра Хармони. Сайт показал красивый снимок кирпичного здания под синим безоблачным летним небом. Фотографии с последнего спектакля «Эдип» были выставлены внизу, и почти на всех них был Айзек Пирс с бородой и в крови. Его обнаженные эмоции выплескивались с экрана.

Внизу страницы был список для записи на прослушивание «Гамлета». Я записала свое имя, контактную информацию и нажала «отправить».

Глава десятая Уиллоу

Две недели спустя Энджи отвезла меня на прослушивание.

– Кажется, здесь много народу, – заметила я, выглядывая из пассажирского окна на толпу перед ОТХ.

– «Гамлет» – масштабная пьеса, – ответила она. – Им нужны актеры на роли могильщиков, стражников и путешествующих артистов. – Она пихнула меня. – Ни пуха ни пера.

– К черту, – ответила я. Во рту совсем пересохло. – Встретимся в «Скупе», когда закончу.

– Тебя будет ждать шоколад.

В фойе театра толпились все пришедшие на прослушивание, от учеников колледжа до двенадцатиклассников. Я узнала нескольких ребят из Хармони, а вот студентов колледжа – нет. Я заметила пару девушек постарше, тусующих вместе и болтающих, склонив головы. Претенденты на роль Офелии, возможно. Они окинули меня взглядом и повернулись спиной.

Женщина среднего возраста с темными волосами, завязанными в свободный пучок, сидела за столом регистрации. Она уставилась на меня через очки с толстыми стеклами.

– Имя?

– Уиллоу Холлоуэй, – ответила я с колотящимся сердцем.

Она сделал пометку в списке.

– И на какую роль вы пробуетесь?

– Офелия. Где проводятся прослушивания?

– Там, – ответила она, показав большим пальцем на главный вход в зал.

– Мы проходим прослушивание вместе? На сцене?

– Именно.

– Нас не будут вызывать в комнату поодиночке для прочтения текста? Только перед режиссером?

– Мистер Форд так не поступает, – сказала она с непроницаемым выражением лица. – У него все открыто и прозрачно. Удачи. Следующий?

Я зашла в зал и увидела, что сиденья на две трети заняты потенциальными членами труппы «Гамлета».

«Черт побери».

Я чуть было не развернулась и ушла. Я ни за что не смогу прочитать свой монолог перед всеми этими людьми. Я даже перед Энджи не могла его прочитать, сколько бы раз она ни докучала мне за последние несколько недель.

«Если не можешь прочитать даже монолог перед зрителями, как ты будешь играть в целой пьесе?»

– Не могу, – прошептала я сквозь зубы. – Это глупо. Меня здесь не должно быть.

Однако я заставила себя сесть в заднем ряду, рядом с дверью. Это тупое прослушивание было моим лучшим и единственным планом по избавлению от тьмы и разрушению льда, сковавшего меня. Бездействие не сработало. Мне нужно постараться.

«И если я опозорюсь, то да будет так».

Я закрыла глаза и подумала о вступительных словах моего монолога.

У меня не получалось их вспомнить.

Я открыла глаза. Сердце гроыхало в груди. Режиссер, Мартин Форд, поднимался на сцену. Я узнала его по сайту ОТХ. Долговязый парень с непослушными волосами и огромными глазами. Он казался дружелюбным. Словно рад был приветствовать нас здесь. И все равно мне казалось, что меня сейчас стошнит.

Я окинула глазами толпу, ища хоть кого-то, кто так же бы нервничал, как и я.

Мой взгляд остановился на Айзеке Пирсе.

Он стоял в конце зала, один, засунув руки в карманы кожаной куртки. Создавалось впечатление, что он не нервничал, а скучал, словно ждал автобус. На его красивом, точеном лице отсутствовало какое-либо выражение. Потом он повернулся и уставился на меня. На мгновение на его лице отразилось удивление, словно он поверить не мог, что я здесь. Потом он моргнул и быстро отвел взгляд.

– Я вижу тебя, Айзек Пирс, – пробормотала я себе под нос. – Пришло время поделиться мудростью с новичком.

Я встала и пошла в конец зала. Когда я подошла ближе, его грозовые глаза вспыхнули от удивления, а потом снова стали безразличными.

«Боже мой, он так красив».

Смотреть на Айзека Пирса все равно что смотреть на витрину: вздыхать по чему-то, чего отчаянно желаешь, но не можешь себе позволить. И все же... легче быть смелой, зная, что все равно не могу быть с ним или любым другим парнем.

– Привет, – сказала я.

– Привет, – ответил он, глядя прямо перед собой.

– Кажется, нас официально не представили. Я Уиллоу.

Он взглянул на меня, потом отвел взгляд.

– Айзек.

– Так, – я облокотилась на стену, подражая его позе. – Когда мы встречались в последний раз, ты ударил того придурка Теда Бауэрса.

– Вроде так и было.

– Это было две недели назад, – я понизила голос. – По слухам, тебя исключили.

Он переступил с ноги на ногу.

– Я ушел. Мое решение.

– Тебя не исключили за то, что ты ударил Теда?

Он взглянул на меня.

– А это имеет значение?

– Думаю, нет. В любом случае, прости.

– За что?

– Тед приставал ко мне, а ты заставил его отойти. Я чувствую себя ответственной. Айзек пожал плечами.

– Ничего страшного.

– Для меня это не так, – ответила я. – Я хотела поблагодарить тебя.

– Ладно.

Я моргнула.

– Так... спасибо.

– Пожалуйста.

Я издала смешок.

– Тебе говорили, что ты слишком много болтаешь?

Его взгляд медленно прошелся по мне.

– Нет.

От моего лица отхлынула кровь, когда я вспомнила, почему Айзек остался на второй год.

– Прости. Плохая шутка. Просто ужасно нервничаю.

– Я тоже.

Я взглянула на него, сузив глаза.

– Ага, ну да. Ты кажешься спокойным, как... что-то действительно спокойное.

Его губы снова дернулись.

– Это все игра.

– «До стонов», – сказала я и засмеялась.

«Так, мистер Пирс, у вас есть чувство юмора».

– Спасибо, мне это было необходимо, – я прерывисто вздохнула. – Я не ожидала, что прослушивание будет проходить перед другими участниками. Я думала, что мы будем в комнате одни, а не перед расстрельной командой.

– Мартину нравится, когда все прозрачно, – ответил Айзек.

– Так мне и сказали. Ты уже долго с ним работаешь, да?

Он кивнул.

Я прикусила губу. При нормальных обстоятельствах его молчаливость уже оттолкнула бы меня. Но сегодня вечером мои нервы были так натянуты, что не могли сдержать мой язык и я не могла перестать говорить.

– В прошлом месяце я видела тебя в «Эдипе», – заметила я.

– М-м-м.

– Наверное, ты постоянно это слышишь, но твоя игра была невероятной.

Его вздох показался раздраженным, словно он ожидал от меня чего-то лучшего.

– Спасибо.

– Полагаю, ты правда это часто слышишь, – сказала я. – Еще один комплимент просто отскакивает от тебя, да?

– Я сказал спасибо.

«Он не хочет слышать об этом. Заткнись».

– Как насчет этого? – я расправила плечи, стоя рядом с ним. – Смотреть, как ты играешь, – словно смотреть через дверь в другой мир. Мир, где происходят невероятные вещи. Мне удалось сбежать туда, пока я смотрела на твою игру. Так что вместо простого комплимента хочу поблагодарить за то, что отвел меня в другое место на несколько часов. Мне это было нужно. – На последних словах мой голос задрожал. Я резко моргнула, и глаза внезапно стало жечь от слез. – Так лучше?

Айзек взглянул на меня. Я ощутила его взгляд каждой клеточкой тела. Связь. Часть его силы, или магии, или харизмы, направленной прямо на меня. Когда мгновение остановилось,

мне стало интересно, каково было бы играть на сцене рядом с ним, окутанной всей этой энергией. Идти вместе куда-то.

«Невозможно, – подумала я и отвернулась, оборвав это мгновение. – Он гений. А я хуже, чем любитель».

Глубокий голос Айзека прорвался в мои мысли.

– Спасибо тебе.

Два медленно произнесенных слова. Больше ничего. И все же казалось, что они сказали все. Теперь, когда я подняла взгляд, его угловатое лицо смягчилось и буря за его серо-зелеными глазами успокоилась. Я уставилась на него, снова пойманная в ловушку его взгляда, окутанная его энергией.

– Пожалуйста.

Мартин Форд призвал присутствующих к вниманию и попросил всех занять свои места. Не говоря ни слова, Айзек и я оттолкнулись от стены и направились к рядам потрепанных, покрытых красных бархатом сидений. Он встал в проходе и жестом показал мне идти вперед, словно держал для меня открытой дверь. Я сняла куртку, и мы сели рядом. Его локоть лежал на ручке кресла между нами, а плечо находилось в сантиметрах от моего. Когда Айзек проникал в мое пространство, я не ощущала удушающего напряжения от близости к нему, как тогда с Тедом Бауэрсом. На меня нахлынул запах сигаретного дыма и мужского геля для душа, мои возбужденные нервы успокоились.

Мартин Форд вышел в желтый круг света на сцене. Его седые волосы были немного взлохмачены, а рукава рубашки закатаны до локтей. Его улыбка казалась дружелюбной и успокаивающей, но голос звучал по-деловому.

– Спасибо всем, что пришли. Мне так приятно видеть, что пришло столько народу. Когда я назову ваше имя, пожалуйста, выйдите на центр сцены, представьтесь и скажите, какой монолог собираетесь читать. Сегодня вечером мы ничего комментировать не будем. Просьбы прийти еще раз будут отосланы по электронной почте завтра утром. Всех, кого позовут прийти снова, мы будем ждать завтра вечером здесь в это же время. Если не сможете прийти, потеряете любую роль в спектакле. И точно так же, если не можете следовать расписанию репетиций, выставленному на сайте, вас не станут рассматривать на роль. – Он хлопнул в ладоши: – Хватит скучных технических моментов. Давайте начнем.

Я ожидала, что вызывать будут в алфавитном порядке. Или по системе старшинства, и актеры-ветераны пройдут первыми. Но вместо этого имена назывались вразброс. Незнакомцы чередовались с актерами, которых я видела в «Эдипе». Женщина, игравшая Иокасту, исполнила завораживающий монолог из «Короля Лира». Другой мужчина исполнил кусочек из «Сна в летнюю ночь». Студентка колледжа проходила прослушивание с речью Джульетты из «Ромео и Джульетта» – «Что значит имя?».

Я наклонилась к Айзеку:

– Я пропустила напоминание, где говорится, что нужно проходить прослушивание с монологом из Шекспира?

Еле заметный намек на улыбку тронул губы Айзека, но, прежде чем он успел ответить, Мартин Форд назвал его имя.

Все в театре вытянули шеи, чтобы взглянуть на него, подобно лучу прожектора, освещавшему его весь путь до сцены. Там на него хлынул настоящий свет, позолотив каштановые волосы. Он все еще держал руки в карманах куртки, и я гадала, собирается ли он и монолог читать так же. Профессиональный боксер, привязавший одну руку за спиной, чтобы дать шанс и другим.

– Меня зовут Айзек Пирс, – он повернул голову в моем направлении. – Я буду читать монолог из «Трамвай „Желание“»²³.

Я медленно выдохнула с облегчением.

«Не Шекспир. Спасибо».

Мой вздох облегчения стал потрясенным ахом, когда Айзек вытащил руки из карманов. Выражение его лица из нейтрального превратилось в надменную ярость так быстро, что мне пришлось моргнуть, напомнив глазам, что они видят все того же человека. Одну руку он сжал в кулак, а другой обвиняюще ударил по воздуху, возвышаясь над аудиторией, и начал свой монолог.

Я смотрела, зачарованная, пока он ходил по сцене подобно хищному животному. Он сорвал свою куртку и бросил на землю, словно она мешала ему. На нем не было ничего, кроме белой майки, и вид его тела, обтянутого лишь этим куском хлопка, что-то пробудил во мне, то, что я считала погибшим от удушья.

Свет очерчивал линии его мышц. На правом бицепсе темнела татуировка. Другая виднелась на внутренней части его левого предплечья. Кожа, кость и мощь, обнаженные под светом сцены. Айзек выворачивался наизнанку, играя из глубин души, каждым атомом своего тела, каждой мышцей, каждым сухожилием. Он гремел, говоря, что он «король здесь», и все в чертовом зале, в том числе и я, верили ему.

Когда слова закончились, страсть, льющаяся из Айзека, оборвалась, словно закрыли кран. Быстрый поклон, и он схватил куртку. Он сошел со сцены, прошел по проходу и занял свое место рядом со мной.

Его тело казалось спокойным и все же словно искрилось. Я ощущала последние следы энергии, исчезающие, подобно пару. Я смотрела, как он положил куртку на колени. Уставилась на его голый бицепс в сантиметрах от меня.

Он все смотрел перед собой, а затем, наконец, взглянул на меня.

– Что?

– Прости, – прошептала я. – Не слышу тебя из-за привидения Марлона Брандо, почти заплакавшего все глаза.

Легкая улыбка изогнула губы Айзека. Я уже дважды заставила его улыбнуться. Если задуматься, я лишь раз видела, как он улыбается – после поклонов на «Эдипе».

– Уиллоу Холлоуэй?

Я замерла.

«Вы, должно быть, черт возьми, шутите. Мне нужно выступить после этого?»

Я сглотнула комок голых нервов в горле и начала подниматься на ноги.

– Последнее напутствие? – прошептала я.

Я не ожидала, что он ответит, и поэтому продолжила вставать с сиденья, когда внезапно ладонь Айзека сомкнулась на моей руке, нежно, но крепко удерживая меня на месте. По мне снова пробежал разряд электричества, устроившись в тепле моего живота. Через рукав его пальцы казались теплыми, и вместе того, чтобы почувствовать себя в ловушке, мои нервы успокоились от его прикосновения.

– Не думай о словах, – сказал Айзек. – Даже если ты перепутаешь или забудешь строчки, продолжай, – он отпустил мою руку. – Просто рассказывай историю.

Мартин снова назвал мое имя, и публика стала оглядываться в поисках меня. Я все еще смотрела на Айзека.

– Рассказать историю, – прошептала я. – Спасибо.

Он кивнул, и его серо-зеленые глаза метнулись к сцене. Иди.

Я против воли оторвалась от него и прошла по проходу между рядами к сцене.

²³ «Трамвай „Желание“» – одна из самых известных пьес Теннесси Уильямса, закончена в 1947 году.

Расскажи историю.

Именно это я и не сделала. Так и не сделала. Так и не смогла.

Я поднялась по трем ступенькам на сцену и встала под прожектором. Мартин Форд, оформитель сцены и помощник режиссера – женщина в очках с толстыми стеклами, регистрировавшая нас, – сидели за столом напротив меня. Позади них аудитория слилась в море безликих зрителей.

Моя собственная нервозность с ревом вернулась ко мне на сцену, ведь столько людей смотрели на меня. Она обвила мои конечности, заставив левую ногу задрожать.

Черт, мой персонаж Роуз – нервная девчонка. Я использую страх вместо того, чтобы бороться с ним.

– Привет, я Уиллоу Холлоуэй. Я исполню монолог из «Растеряши» Уильяма Мэстросимоне²⁴.

Я склонила голову, сделала еще один вдох и, снова подняв взгляд, перестала притворяться, будто знаю, как играть на сцене. Я забыла о «сценических приемах» и «технике дыхания», о которых прочитала в книге, взятой в библиотеке. Я сняла невидимую куртку-Уиллоу и сделала, как сказал Айзек.

Я просто рассказала историю.

Я рассказала зрителям, как любила ночью пробираться в зоопарк и наблюдать за элегантными журавлями, застывшими в воде. Я перенеслась туда, и вокруг были птицы и их нежное молчание. Мое сердце бешено колотилось, когда пришли парни с громкой музыкой и стали кидаться в птиц камнями. Я смотрела в ужасе, как ноги птиц «подгибались подобно соломинкам», и кричала, пытаясь остановить мальчиков. Но они меня не слышали. Они продолжали кидать камни, и слезы струились по моим щекам, когда я рассказывала об испачканных белых перьях...

(Кровь на моей белой простыне.)

...о крови и о темной воде, застывшей и затихшей.

Я рассказала, как побежала к охраннику, но, когда вернулась, было слишком поздно. Они все были мертвы. Я рассказала, как кричала и кричала...

(Икс кинул камень своего тела на меня, и я сломалась, внутри я кричала и кричала.)

...и не останавливаясь, пока меня не увели, ткнули меня в руку иголкой, и я заснула.

Я закончила историю тем, что банду так и не поймали. Мой дрожащий голос был нежным, застенчивым, певучим голосом Роуз. А если бы банду и нашли, птиц бы это не оживило.

(Я никогда никому не рассказывала, потому что это уже бы все равно меня не оживило.)

Тишина. Я вернулась в себя, на сцену. Я вытерла щеку и склонила голову, чтобы показать, что монолог окончен, а когда подняла взгляд, все уставились на меня, открыв рты.

– Ладно... спасибо, – сказала я.

Я поспешила прочь со сцены, ни на что не глядя, помимо ближайших дверей. Я вышла через боковой запасной выход на прохладный бодрящий воздух.

Я это сделала.

Мне было все равно, получу я роль или нет. Важно было то, что впервые я рассказала правду. Другими словами, но все же свою правду.

Я оперлась о стену. Слезы текли по щекам, и я не могла сказать, принадлежат они мне или Роуз.

Возможно, это не имело значения.

²⁴ Уильям Мэстросимоне – американский драматург и сценарист из Нью-Джерси.

Глава одиннадцатая

Айзек

Черт побери.

Уиллоу вышла из театра, и ее длинные волосы развевались на ветру. Я схватил ее позабытые пальто и шапку и поднялся с места. Проклятые ноги казались ватными. Я выбрался из парадного входа и обошел здание, направляясь к черному. Я хотел покурить, а ей понадобится пальто. Скорее всего, она там замерзала.

«Не то чтобы бы мне было до этого дело».

Я мог представить, как Мартин закатывал глаза при этих словах и говорил мне попытаться еще раз.

Я нашел Уиллоу в узком переулке между театром и таверной «Ника». Она опиралась на стену. Плечи поднимались и опадали, а вокруг головы клубился пар от ее дыхания. Когда она увидела меня, ее глаза расширились и она вытерла лицо рукавом.

– Чего тебе? – спросила Уиллоу. Она обхватила себя руками, не глядя на меня и дрожа, в джинсах и мягком розовом свитере.

– Ты забыла вот это, – я протянул ей пальто из тяжелой и дорогой шерсти и розовую вязаную шапочку.

– О, спасибо.

Я повернулся, собираясь уйти.

– Подожди секунду, – она надела пальто и шапку. – Спасибо за совет. Сработало. Я не ожидала того, что произошло. Или, может быть, ожидала, – добавила она, словно обращаясь к самой себе. – Возможно, именно это и должно было произойти, но я не... не была к этому готова.

– Понимаю, – заметил я. – Ты не против, если я закурю?

Она покачала головой. Я зажег сигарету, и огонь от моей зажигалки осветил боковой переулок, в котором мы стояли. Единственным другим источником света была таверна. Я затаился и выдохнул, пытаюсь подобрать слова.

– Ты в порядке? – наконец, спросил я.

– Ага. Просто... я такого не ожидала.

Я кивнул.

– Это было... – Мощно, ярко и чертовски по-настоящему. – Хорошо.

Я поморщился от этого хрупкого жалкого слова. Она заслужила лучшего отзыва. Но я либо мог сказать ей: «Ты потрясла меня до глубины души, такого никогда не происходило, и я не мог отвести от тебя взгляда». Либо заметить: «Ты была хороша». Варианта посередине не было.

– Спасибо, – ответила она. Уиллоу поежилась, хотя и застегнула пальто на все пуговицы. – Мне пора.

Я уступил ей дорогу и внезапно осознал, что я в действительности незнакомец, поймавший ее в темном переулке.

Она хотела обойти меня, а затем остановилась.

– Ты поэтому это делаешь?

– Делаю что?

– Бережешь все слова для сцены?

Я уставился на нее.

– Из-за очищения, да? – спросила она. – Так ты рассказываешь свою историю, даже не рассказывая ее?

«Что за история лежит за рассказанной тобой сегодня вечером?» – хотел спросить я. Но каким бы подтекстом Уиллоу ни пользовалась для такого исполнения, это не была история для обычного разговора позади старого театра. Или для меня. И все же я хотел рассказать ей что-то правдивое о себе. Отдать что-нибудь.

«Забудь. Это тоже не для обычного разговора позади театра».

Я засунул сигарету в зубы, мешая себе сказать что-нибудь, кроме:

– Думаю, да.

– Ты поэтому мало говоришь?

– Возможно, – ответил я, затянувшись еще раз. – Или, возможно, мне нечего сказать.

– Сомневаюсь, – заметила она. – Но и понимаю.

– Ты получишь роль Офелии, – сказал я.

– Правда? – Ее глаза зажглись, и именно тогда она показалась мне очень красивой, излучающей надежду. Лучи отразились от меня, наполняя голову возможностями. Если она будет играть Офелию, я проведу следующие два месяца, репетируя вместе с ней. Это неприкасаемая красotka будет стоять на *моей* сцене.

А бедному ублюдку вроде меня на такое не стоило и надеяться.

– Ага, ты можешь получить эту роль, – сказал я более суровым голосом. – Но один монолог – не то же самое, что целая шекспировская пьеса. Тебе придется приходить на каждую чертову репетицию. Тебе нужно будет серьезно к этому относиться. Потому что, возможно, для тебя это каприз или типа того, но это чертовски важно для меня.

Она немного ошетилилась, выставив подбородок вперед.

– Это не каприз, – ответила она, и в ее голосе тоже прозвучала твердость. – Для меня это тоже важно. И ты такой самоуверенный? С чего ты решил, что получишь роль?

Я не смог удержаться и засмеялся, держа во рту сигарету. Уродливый желтый свет из таверны «Ника» превращал волосы Уиллоу в золото. Желание запустить в них руки было таким сильным, что мне пришлось сделать еще одну затяжку.

– Я получу роль, потому что Мартин не доверит ее никому другому.

– Это не единственная причина, – ответила Уиллоу. – Ты должен знать, насколько ты хорош.

Я вздохнул, бросил сигарету на землю и раздавил каблуком.

Она склонила голову набок.

– Об этом тоже не хочешь говорить?

– Нет, потому что это скучно. Так как есть. Благодаря актерскому мастерству я выберусь ко всем чертям из Хармони. А более того? – я поднял руки.

– О, – сказала она, и ее лицо потемнело. – Ты хочешь уехать?

Я с интересом уставился на нее.

– Ты хочешь остаться?

Она пожала плечами, потерла подбородок плечом.

– Не знаю. Возможно. Мне здесь понравилось больше, чем я могла себе представлять. Здесь тихо. Спокойно.

– Здесь для меня ничего нет.

– Нет, наверное, нет, – ответила она. – Твой талант слишком велик для этого маленького городка.

«На это я и рассчитываю. Больше у меня ничего нет».

Наступила тишина, а потом она сказала:

– Ну ладно. Я должна встретиться с подругой. Мистер Форд скажет нам, что дальше?

– Он пришлет список тех, кто должен прийти еще раз, – ответил я. – Тебе нужно будет прийти завтра вечером в семь.

– Если я буду в списке.

Я ухмыльнулся.

– Увидимся завтра вечером, Уиллоу.

– Увидимся завтра вечером, Айзек, – сказала она. – Если ты будешь в списке.

Я подавил смешок, булькающий в груди, и смотрел вслед Уиллоу, пока она не добралась до безопасной улицы. Потом оттолкнулся от стены и вышел из переулочка, уходя прочь от театра. Прочь от моего настоящего дома. Это может быть хорошей тренировкой для тех времен, когда я навсегда покину Хармони. Я оставлю позади все дерьмовые воспоминания. Призрака моей матери и ярость отца. Бедность и холод, постоянное желание большего. Я оставлю все это позади и не стану оборачиваться.

И от нее я тоже уйду.

Глава двенадцатая Уиллоу

Готовясь утром в понедельник к школе, я остановилась прочитать уже в сотый раз электронное письмо на телефоне, полученное в субботу утром.

<martinford@HCT.com>

Дата: 28 января

Re: Гамлет, окончательно утвержденный состав

Мои поздравления, и спасибо Вам за то, что стали частью постановки «Гамлета» Шекспира в Общественном театре Хармони. Вы можете увидеть расписание репетиций под списком, и дайте знать помощнику режиссера Ребекке Миллз или Фрэнку Дариану, оформителю сцены, если у Вас возникнут проблемы, и Вы больше не сможете участвовать в спектакле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.